

АНИКА ВИШЕС

ЖАЖДА
ДОВЕРИЯ

ЛЮБОВЬ БЕССМЕРТНОГО
БЕССМЕРТНА

Аника Вишес

**Жажда доверия. Часть 2. Любовь
бессмертного бессмертна**

«Издательские решения»

Вишес А.

Жажда доверия. Часть 2. Любовь бессмертного бессмертна /
А. Вишес — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900761-2

После бегства от Германа, открывшего свою истинную природу, Кристина скрывается в доме родителей. Бывший любовник продолжает посещать ее, но теперь только в кошмарах, и предрассветная мгла оглашается криками напуганной девушки. Знание о подлинной натуре возлюбленного и сладостные воспоминания об их романе разрывают сердце героини надвое. Ей удалось скрыться от Германа, но удастся ли сбежать от самой себя?

ISBN 978-5-44-900761-2

© Вишес А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Жажда доверия

Часть 2. Любовь бессмертного бессмертна

Аника Вишес

Дизайнер обложки Алена Мунирова

© Аника Вишес, 2018

© Алена Мунирова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-0761-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Нужно было выбрать самый красивый букет. В прозрачных пластиковых вазонах на полках специальных холодильников стояли сотни цветов со всего мира. Хрупкие тюльпаны и ирисы; розы белые, чайные, нежные; розы темные, полные пафоса, вызывающие к классике; герберы, похожие на разноцветные солнца на ножках; лилии, чьи соцветия, точно бокалы, до краев наполнены пьянящей сладостью, и еще десятки растений, чьих названий девушка не знала.

Она сняла темные очки и с облегчением выдохнула, радуясь после жаркого полудня Майами прохладе цветочного магазина. Затем с задумчивым видом прошлась вдоль витрин, рассматривая то хрупкий и недолговечный товар, то его ценники, прикидывая что-то в уме.

Молодой мужчина, сопровождающий покупательницу, встал у входа и замер в ожидании. Наконец, его спутница указала рукой на один из вазонов за стеклом.

– Эти.

На ее вопросительный взгляд парень ответил кивком и достал из заднего кармана брюк бумажник. Спустя несколько минут большой букет из бледно-розовых, почти белых пионов был собран и передан посетительнице. Бережно прижав его к груди, девушка вместе со своим компаньоном удалилась обратно в полуденный асфальтовый зной. Времени оставалось совсем чуть-чуть.

Глава 1

Только дома Кристина всегда чувствовала себя спокойно. Сколько бы съемных квартир девушка ни сменила, какой бы мебелью их ни обставила, по-настоящему она любила только родительский дом. Несколько раз за ее жизнь само здание и место менялись, но главным были люди, ее семья. Только в непосредственной близости от них ей удавалось ощутить себя в безопасности.

Бледный свет прозрачной летней ночи становился все ярче в преддверии утра. Кристина лежала, свернувшись калачиком, на своей постели лицом к стене. Позади себя она слышала шаги. Должно быть, это мама снова заглянула в ее комнату, проверить, спокойно ли она спит. А спалось ей в последнее время просто ужасно.

Вошедший осторожно присел на край кровати. Проснувшаяся девушка повернула голову, чтобы сказать, что все в порядке, и не стоит волноваться о ней, но горло вдруг перехватило. Над Кристиной, слегка склонившись, сидел Герман. Его рубашка на боку была багряной и мокрой от крови, губы оскалились в звериной усмешке, а из глазниц на девушку смотрели волчьи, темные глаза.

Она закричала, что было сил, и проснулась.

Кристина лежала в своей постели в доме родителей. За окном по хмурому небу и вправду растекался рассвет. Она была в комнате одна. Это оказался просто сон. Очередной ночной кошмар, один из многих, посещавших ее за последнее время.

Стрелки на настенных часах показывали только четыре утра, и можно было совершенно спокойно проспять еще несколько часов, но девушка знала, что больше не заснет. Повалившись немного, она встала, накинула халат и спустилась вниз. Уже скоро должна была проснуться мама, которой рано нужно выезжать на работу. Кристина взялась готовить завтрак, чтобы хоть как-то себя занять, пока обитатели дома не проснутся.

Омлет был почти готов, когда сзади послышался голос:

– Ты чего не спишь в такую рань?

Девушка вздрогнула от неожиданности, затем ответила, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее:

– Доброе утро, мам! Да вот, проснулась, решила тебя на работу собрать.

– Рассказывай, – отозвалась светловолосая женщина в годах, запахивая халат поплотнее. – Опять сны снились?

Дочь молча раскладывала омлет по тарелкам.

– А таблетки ты принимаешь?

– Принимаю, конечно. Да ты не переживай так! Со мной все в порядке.

Мать только покачала головой на это. Кристина не врала ей, она и вправду принимала успокоительное. Хотя толку от него было маловато. Жуткие сны приходили почти каждую ночь. Девушка просто не могла теперь нормально спать. Разве что днем. Что она и делала, чтобы как-то выправить ситуацию.

Кристина перестала выходить из дома, не ездила в университет.

– Это временно, мамуль, не волнуйся. Мне просто нужно немного отдохнуть и прийти в себя после того, что со мной произошло.

– А что с тобой произошло? Я и отец очень бы хотели это знать. Мы уже сто раз спрашивали, но ты же ничего не рассказываешь.

Она не рассказывала, потому что не знала, как подобрать слова. Не было сомнений в том, что привычный мир треснул, словно корка пирога, и проступила его странная, жестокая и пугающая начинка. Но больше всего Кристину страшило то, что она, коснувшись, прилипла к ней, как муха.

Иногда девушка, подолгу сидя в своей комнате, поджимала колени у груди и обнимала их руками, представляя, что ничего особенного в ее жизни не происходило. Не было белого кафеля, залитого кровью. Не было светлых, мертвеющих глаз молодого мужчины, испускающего последний вздох в смертоносных объятьях. Не было Германа с перепачканным кровью лицом. Кристина представляла, что ничего этого нет, и по щекам ползли горячие слезы. Она испускала стон, переходящий в плач, и закрывала себе рот ладонью, чтобы никто из домашних не слышал, как она рыдает.

Но намного больший ужас сковывал ее при воспоминании о последних словах, сказанных Германом в спальне его квартиры перед самым бегством девушки.

«Ты теперь на моей стороне. Ты станешь одной из нас».

Неуемный язык нащупывал по рту клыки, кажущиеся аномально острыми. Кристина старалась не думать об этом, но не могла выгнать навязчивые мысли из головы и совершенно перестала владеть собой. Однажды она поймала себя на том, что пытается вдавить один из нездорово отросших зубов обратно в десну.

Именно после этого случая девушка начала пить успокоительные таблетки. Но прежде состоялся долгий разговор с родителями. Почему она примчалась с вещами среди ночи на своем белом Шевроле, чуть не вышибив ворота? Машина сигналила, поставив на уши всех соседей. Когда же блудная дочь, наконец, попала в дом, то просто заперлась со своей кошкой в одной из комнат до утра, не отвечая ничего вразумительного.

Сидя там, она выдумывала подходящую причину своего появления. Сказать правду представлялось невыносимым. Почему-то Кристина была уверена, что даже если бы ее семья все увидела своими глазами, мама и папа нашли бы разумное, не сверхъестественное объяснение случившемуся. Оклеветать Германа она оказалась не способна. Сначала думала соврать, что он ударил ее или и вовсе изнасиловал, но почему-то не могла представить, что осмелится произнести такое вслух. Наконец, выйдя наутро из комнаты, Кристина объявила домашним:

– Мы расстались. Я узнала, что он замешан в чем-то таком, с чем я не хочу иметь ничего общего.

– Он что, бандит, да? Наркотиками торгует? – округлил глаза младший брат.

На Мишкином лице явно читался восторг и предвкушение. Отец и мать эмоций сына не разделяли, но и расходиться не спешили, ожидая ответа на последний вопрос. Кристина плотно сжала губы, затем ответила:

– Нет, не бандит. Но я больше ничего не могу вам сказать. Просто мы расстались. Навсегда. Будет лучше, если мы никогда не будем вспоминать о нем.

Сама же девушка, вопреки собственным словам, не могла забыть о случившемся. В ее голове бесконтрольно сами собой всплывали то образы ночей, проведенных с Германом, и его ласк, то забавные игры «в шпильки», когда они говорили друг другу колкости, ожидая реакции. Однако с наступлением сумерек эти воспоминания сменялись другими. Ей снова виделись сцены убийств, клыки, раздирающие человеческую плоть, и темно-карие глаза, знакомые и чужие одновременно. Эта двойственность восприятия наваливалась на Кристину день ото дня все больше, подобно тоннам и тоннам океанской воды. Иногда казалось, еще немного, и пережитое просто раздавит ее голову, как орех: скорлупа треснет от напряжения сама собой.

Вот и теперь девушка ковыряла вилкой омлет, составляя компанию матери перед уходом на работу. Пальцы ее при этом иногда чуть подрагивали. В последнее время такое случалось часто и безо всякой видимой причины. Кристина уже даже не обращала внимания. Взгляд матери же неотрывно следил за ее беспокойными кистями рук. Прожевав кусок омлета, женщина в халате сказала:

– Знаешь, я тут подумала вдруг... У меня есть один приятель, еще по студенчеству познакомились. Очень умный и талантливый человек. Помогает людям в сложных жизненных ситуациях, образованный. Когда я Мишку родила, у меня после родов такое состояние было, ты

себе не представляешь! Отец не знал, что делать. Я на полном серьезе иногда думала страшные вещи, про себя и вообще, даже не хочу пересказывать вслух. Это сейчас про послеродовую депрессию в интернете полно информации, а тогда... Тяжело было женщинам в таких случаях.

Все еще подрагивающими пальцами Кристина потеряла заspanные, красноватые глаза, в которые точно песка насыпали, и устало спросила:

– Мам, что ты хочешь сейчас сказать?

Женщина поправила волосы, плохо лежащие ото сна. На отросших неокрашенных корнях явственно проступала седина.

– Я думаю, не познакомить ли вас с этим моим приятелем? Ты могла бы обсудить с ним все, что тебя беспокоит, не боясь, что кто-то узнает. Даже мы. Он очень интересный собеседник и хороший специалист.

– Психиатр? – спокойно спросила Кристина.

– Э-э... Нет. Нет, конечно, что ты! – женщина постаралась скрыть неловкость за улыбкой. – Вообще-то его профессия называется «психоаналитик». Знаешь, сейчас модно. Все занятые люди, топ-менеджеры, разные крутые специалисты, сильно устающие на работе – ВСЕ ходят сейчас к психоаналитикам. Так что в этом ничего такого нет.

– Понятно. Я подумаю.

Нужно было как-то успокоить родительницу, и Кристина продолжила есть свой омлет. При этом она старалась по сильнее сжимать вилку, чтобы пальцы не вздрагивали. Однако мать не унималась.

– Ну что тут думать?! Ты же, как приехала месяц назад среди ночи с безумными глазами, так до сих пор отойти не можешь. За все время один раз на улицу вышла, в магазин. И то не дошла и ничего не купила, пришла сама не своя. Думаешь, мы с отцом ничего не видим? Из универса звонили, спрашивали, где ты, почему не закрываешь сессию. Тебя же отчислят! Как ты потом восстановишься на бюджет?!

– Мам, поверь мне, это сейчас не важно.

– Не важно? Образование не важно?! А что же тогда важно? Как ты жить-то дальше собираешься?!

– Собираюсь, – твердо ответила Кристина. – Я просто собираюсь жить дальше.

Она встала из-за стола. Затем просто подошла к матери, обняла ее за плечи и поцеловала в седую макушку.

– Мам, все будет хорошо, я как-нибудь справлюсь. Ты только не переживай.

Женщина положила свою руку на плечо дочери, и девушка почувствовала, какая теплая и мягкая у нее ладонь.

– Ой, не знаю я, не знаю... Ты же ничего не рассказываешь... Ну вот что у вас там случилось?

– Ничего, – ответила Кристина, уходя с кухни к себе в комнату. – Что было, то прошло. Ты права, нужно как-то жить дальше.

Поднявшись наверх, она зашла в свою спальню и плотно закрыла дверь. С минуту стояла неподвижно и слушала. В доме было тихо, никто не пошел следом. Тогда девушка встала на колени и запустила руку глубоко под кровать. Нашарив там что-то, она достала это и села, держа в руках увесистый конверт. На нем значилось:

«От господина Мареша Г. В. госпоже Елагиной К. С. лично в руки».

Глава 2

– Я же говорил, что мне с самого начала не нравилась эта идея. Вот объясни мне, зачем нам надо было срывать и так поспешно уезжать?

Алекс выглядел необычайно раздраженным. Недовольно сведенные черные брови, плотно сжатые губы. Герман этого не знал, но в последние дни его брат спал очень мало из-за навалившихся дел, а утолить голод и вовсе не успевал. Старший из братьев чуть сдвинул вниз темные очки и взглянул на своего компаньона поверх стекол. Солнце еще только окрашивало горизонт, и потому нежные глаза вампира могли вынести пару секунд без защиты. Растрепанные черные волосы Александра слегка вились и потому выглядели не слишком аккуратно. Кожа, обычно имеющая бронзовый оттенок, теперь казалась слегка бледной.

Герман нахмурился, вернул очки на место и посмотрел туда, где неспешно поднимался над землей сияющий диск.

– Это мое решение, и тебе придется потерпеть немного. Уж прости. Слишком много дел осталось незавершенными. Нужно это исправить. К тому же, я знаю, ты не откажешь и выполнишь мое поручение.

Он протянул Алексу увесистый конверт из плотной коричневой бумаги.

– Вот. Передашь это ей лично.

Младший Мареш принял конверт и убрал в сумку, затем подчеркнуто равнодушно спросил:

– Что-нибудь сказать от твоего имени?

– Ничего, просто вручи. Слова будут лишними.

Стюардесса личного самолета семьи Мареш сделала знак, что единственному пассажиру пришло время подниматься на борт. Экипаж был готов к вылету.

– Тебе пора, – Герман на прощание обнял брата и слегка похлопал по плечу. – Сделай все правильно и возвращайся как можно скорее.

– Да, господин мой, – тихо отозвался Алекс со слабой улыбкой.

– Не люблю, когда ты так зовешь меня. Глупые пережитки.

Алекс открыл было рот, но Герман не дал ему сказать.

– Все, иди. Прощай, и удачно долететь!

Он развернулся и пошел прочь со взлетной полосы. Пассажир поднялся на борт, дверь за ним плотно закрылась. Совсем скоро двигатели самолета заработали, и машина пошла на взлет. Герман обернулся. Утренний ветер трепал его блестящие каштановые волосы, чуть достающие до плеч. Темные глаза молодого мужчины, надежно укрытые непроницаемыми стеклами очков, проводили ввысь железную птицу.

Мужчина устроился в удобном кресле частного авиалайнера, обтянутом светлой кожей. Взлет прошел тихо и плавно. Однако Алекс понимал, что даже если бы в пути что-то и случилось, ему не стоило переживать. Для бессмертного такой силы авиакатастрофа вовсе не означала смерть. Конечно, до Германа, наследника рода, ему никогда не дорасти, и все же по жилам худощавого сероглазого брюнета текла достаточно чистая и древняя кровь. Пройдут столетия, и он станет сильнее, но даже теперь он намного превосходил любого из смертных.

Когда самолет набрал нужную высоту, к Алексу подошла стюардесса. Аккуратно уложенные светлые волосы хорошо гармонировали с костюмом ненавязчивого бежевого цвета и мягким голосом.

– Мистер Мареш-Смит желает чего-нибудь? Напитки, или, может быть, подать ранний завтрак?

– Воды без газа, – отозвался пассажир, глядя в иллюминатор, но затем передумал. – Хотя нет, стойте! Есть томатный сок?

– Конечно, – с рафинированной улыбкой ответила девушка.

– Отлично. Тогда его. С солью.

Стюардесса удалилась и вскоре вернулась, поставив на столик перед Алексом высокий стакан густой мутно-красной жидкости. Мужчина вежливо кивнул, давая понять, что больше ни в чем не нуждается. Оставшись в салоне один, он жадно опустошил стакан и прикрыл глаза на несколько мгновений.

«Все равно не то, хоть и похоже. Проклятая беспечность! Нужно было позаботиться о себе перед вылетом».

По всему миру функционировала надежная и отлаженная сеть, снабжавшая подобных ему необходимой пищей в любом количестве. Однако Алекс в свойственной ему манере бросился исполнять порученную ему работу, даже не «поев» как следует. Теперь его состояние походило на похмелье. Тех, кто обладал такой же силой, как молодые Марешы, голод донимал редко, всего раз в несколько недель. Но когда это происходило, даже древняя кровь не могла спасти от проклятья всех бессмертных – мучительной жажды, нарастающей, переходящей из легкого недомогания в болезненную, навязчивую идею, а затем в агонию.

Сейчас Алексу подобное не грозило. Несколько дней было в запасе до того, как жажда станет невыносимой. Тогда он и собирался решить эту проблему, но пока ему предстояли дела. Работа, порученная Германом.

Наиболее серьезно Александр Мареш-Смит относился к тем поручениям, что давал ему старший брат. Независимо от важности, он исполнял любую поставленную задачу с равным усердием, и потому с годами перечень его ролей сильно возрос. Персональный телохранитель будущего Верховного бессмертного, его личный секретарь и надежный компаньон. В детстве Алекса взяли в семью, как выброшенного на улицу щенка. Он рос бок о бок с Германом, сильнейшим из рода. Наследник стал ему лучшим другом и не внушал того страха и почтения, которое испытывали остальные бессмертные низшего ранга. Однако внушал иное – безграничную братскую любовь и преданность. Алекс, словно верный пес, с детских лет привык сопровождать Германа во всех его затеях и беречь его больше, чем самого себя. Однако, вопреки его собственному желанию, оградить молодого господина от беды получалось далеко не всегда.

Александр хорошо запомнил день, когда ему пришлось испытать такой ужас, какой мог сравниться только с пережитым им страхом от смерти родителей.

Стояла зима. Он и его приемная семья собрались спешно перебраться из Петербурга за границу. Только на время, ненадолго по меркам бессмертного. Александра, как и его нового отца, Владислава Мареша, этот переезд не тревожил. Герман же был явно не в своей тарелке. Ему к тому моменту уже исполнилось двадцать два, а самому Алексу, выходит, был двадцать один год.

Как-то раз, уже накануне их отъезда, Герман сказал брату, что отлучится ненадолго.

– Ты собираешься к ней? К той девушке?

– Да, – последовал короткий ответ.

– Хочешь попрощаться? Я бы на твоём месте не стал этого делать. Девчонки не умеют расставаться по-хорошему. Будут слезы, истерика... Может, лучше просто исчезнуть?

– Я хочу, чтобы она ехала с нами.

Сначала Алекс решил, что Герман его разыгрывает, но, присмотревшись, понял – брат говорит серьезно. В его темно-карих глазах не было и намёка на шутку.

– Послушай, мне кажется, Влад не одобрит эту идею. Мы уже не мальчишки и должны уметь расставаться с полюбившимися нам игрушками, если этого требует долг.

– Не говори мне о долге, ясно? – Герман вдруг подступил к нему вплотную и глянул так, что Алекс затих. Старший брат всегда был чуть-чуть выше, и это преимущество в росте вкупе с пристальным взглядом в очередной раз заставило Александра отвести взгляд и замолчать.

– Кроме того, – прибавил будущий наследник рода, – Влад сам говорил, что мне нужно найти ее. И я, кажется, нашел. Так что ехать придется, а ты, – он улыбнулся, не выдержав напряженной обстановки, и широкая улыбка продемонстрировала чуть укрупненные островатые клыки, – ты, мой друг, можешь только пожелать мне удачи!

Герман уехал, не сказав, когда его ждать назад. Времени до отъезда оставалось все меньше, и Алексу выпало собирать чемоданы за двоих.

Со своими пожитками он управился быстро, упаковав их в две небольших сумки. Его скромная комната вмещала не так уж много. Позднее, когда Герман выкупил и присоединил верхний этаж, она и вовсе стала гардеробной – кладовкой с рядами полок и высоким узким окном в конце.

Вещи Германа младший брат собирал с большим знанием дела, хорошо помня все его привычки. Вопросы возникли только с одним предметом.

Большая картина висела на стене у самого входа в ванную. С нее улыбалась зеленоглазая девушка, чьи непослушные рыжие волосы разметались по сторонам. Она походила на солнце, ласковое дневное светило – такое, каким видят его смертные.

Алекс в то время еще увлекался живописью и однажды нарисовал портрет загадочной подруги брата по фотографии, взятой с ее личной странички в соцсети. Картина вышла превосходная, но при мысли, что рисунок останется у него, Александр заливался краской, и потому просто подарил полотно брату. Тот повесил его пусть и у себя в комнате, но на виду, к большой радости автора.

Теперь, когда сама натурщица могла отправиться в дорогу вместе с семейством Мареш, младший из братьев не находил себе места. Он то и дело проходил мимо картины на стене, останавливаясь и подолгу разглядывая ее. Из двух девушек Алекс предпочел бы компанию нарисованной, и потому бечевка и упаковочная бумага лежали наготове. Однако он медлил.

Герман вернулся из поездки поразительно быстро. По тому, как звякнули в замке ключи, младший брат безошибочно определил его подавленное настроение. Когда же Александр вышел в прихожую, он увидел, что его друг сидит на одной из дорожных сумок, сжав виски чуть подрагивающими пальцами.

– Она не едет, так я понимаю? – осторожно поинтересовался Алекс.

В ответ Герман отнял руки от лица и понуро помотал головой из стороны в сторону, откидываясь спиной на стену.

– Почему?

Помолчав, старший брат встал и пошел вглубь квартиры.

– Почему? – повторил он. – Почему... Потому что она НЕ МОЖЕТ! Видишь ли, у нее учеба, родители, планы. И любая составляющая ее жизни, как оказалось, важнее меня! И их бросить нельзя, понимаешь? ИХ нельзя!

Алекс постарался как-то урезонить брата:

– Слушай, мне кажется, ты зря психуешь. Не нужно все воспринимать так буквально и близко к сердцу, что ли... Просто мы очень внезапно сорвались с места. Для меня лично это тоже было неожиданностью, но мы с тобой – другое дело. Думаю, она банально оказалась не готова к твоему предложению. Все произошло слишком быстро.

– Слишком быстро? – кривая усмешка исказила губы Германа. – Представь себе парадокс: я бессмертный, но у меня нет времени. Именно сейчас у меня его нет!

– Я понимаю...

– Да ни черта ты не понимаешь! Она и есть та! Та самая! Легенды не врут, отец был прав. И теперь я должен уехать, неизвестно, на сколько! Я должен оставить ее здесь, а сам ехать куда-

то, потому что это мой долг, потому что так нужно сделать! Ты понимаешь, что после смерти мамы она – это все, что у меня было?!

При этих словах Александр смутился, как если бы его неожиданно окатили водой из шланга, но спорить не стал, коротко повторив:

– Понимаю...

Герман же, казалось, его уже не слушал. Он быстро ходил из конца в конец по комнате, говоря:

– Я доверял ей все, что мог! Все, что думал и чувствовал! Я открылся ей так, как никому и никогда прежде! И что в итоге?! Я слышу от нее «Я НЕ МОГУ»!!! Чертова дура!!! Господи! Почему?!

Внезапно Герман кинулся к портрету Кристины, висевшему поблизости. Алекс, не отдавая себе отчета в том, что делает, бросился ему наперерез и не дал сорвать полотно со стены. Братья сцепились. Несмотря на видимую глазу схожесть двух молодых мужчин, силы были не равны.

– Герман, послушай, уймись! Не надо так! – выдавил из себя Александр, удерживая руки брата из последних сил, не давая ему подступиться к изображению на стене. Герман же внезапно извернулся и, высвободившись, отшвырнул его прочь. Тот едва удержался на ногах.

– Ты совсем рехнулся?! Герман, остановись. Это уже слишком!

Старший брат, не отрываясь, смотрел на портрет на стене.

– Я выброшу ее вон! Как она выбросила меня самого! – прорычал он.

Наследник рода сделал еще один шаг к картине, но Алекс опять возник у него на пути.

– Уйди! – угроза в голосе старшего брата слышалась так явно, что, помимо собственной воли, Алекс дрогнул. Но не отступил.

– Отойди в сторону, братец, – повторил свою просьбу Герман. – Картина моя. Она принадлежит мне, и я вправе делать с ней то, что захочу.

– Прости, но я написал ее, – младший Мареш старался придать голосу как можно больше уверенности. – Я вложил в нее свои силы, она дорога мне.

Герман ехидно сощурился и негромко проговорил, глядя Алексу прямо в глаза:

– Она, или та, кто на ней?

И тут Алекс отступил. Стена, которую он возвел против брата, пала, и он был безоружен перед пронизательностью и гипнотической силой будущего главы рода. Последнее, что произнес младший из братьев:

– Ты многое видишь. Но это не дает тебе права ломать все и всех, кто попадает тебе в руки.

Развернувшись, Алекс пошел прочь. Он уже не видел, как после этих последних слов поменялось лицо Германа, став уязвленным и каким-то умоляющим. Однако всего через секунду послышалось:

– ВОООООН!!! – крик, похожий на звериный рев, прокатился по пустому дому. – Убирайся вон!!! Чтоб духу твоего не было здесь!!!

«Я и так уйду», – подумал про себя Алекс, взял ключи и куртку и вышел прочь из квартиры.

Улицы мерцали новогодней иллюминацией и украшениями. В витринах магазинов тут и там высились горы подарочных коробок, внутри которых была пустота.

«Поддельные подарки, – усмехнулся он сам себе. – Бутафория, помогающая нам ощутить настоящую радость».

По тротуарам сновали толпы людей: семьи, идущие в гости, влюбленные парочки, мамы и бабушки с детьми и внуками. Ранний зимний вечер уже укрыл Петербург, но он был светел и ярок, как день. Всеобщая атмосфера праздника против воли подействовала и на Александра. Он неспешно брел вдоль рядов сияющих вывесок и размышлял о том, что все это бред, не сто-

ящий настоящих переживаний: девушка, картина, чье-то превосходство. Понемногу он совсем успокоился.

На улице было морозно, и потому меньше, чем через час Алекс начал замерзать. В кармане куртки зазвонил мобильный. Влад звонил, торопил их, говоря, что все готово к отъезду. Молодой бессмертный повернул в сторону дома.

Пока поднимался на третий этаж к квартире, Алекс беззвучно шевелил губами, подбирая слова какой-нибудь простой и емкой фразы, означающей извинение. Когда щелкнул замок, он еще не придумал ничего определенного. Парень толкнул дверь, собираясь войти, однако она не поддавалась. Алекс непонимающе подергал за ручку и проверил, до конца ли повернут ключ. Тот упирался, не проворачиваясь дальше.

«На защелку закрылся», – сообразил вампир.

Рука машинально потянулась к звонку и нажала на кнопку несколько раз. Тишина.

«Выключил? А не уехал ли он уже, не дожидаясь меня?»

Спешно сбежав по ступенькам вниз, Алекс принялся осматривать ряды машин у подъезда. Вскоре он заметил черный БМВ Х6, который водил брат.

«Раз машина здесь, то и он сам тоже должен быть».

Однако в глазницах окон на заветном третьем этаже древней четырехэтажки зияла темнота. Только свет фонарей отражался от черных глянцевых стекол.

Александр глянул на часы и присвистнул. Времени было в обрез. И тогда он преисполнился решимости:

«Хочешь ты меня впускать или нет, но я войду, и мы отправимся в дорогу! Влад голову мне снесет, если мы не пошевелимся!»

Парень быстрым шагом направился в соседнюю арку, ведущую во двор. С обратной стороны дома горел всего один фонарь, и остаться незамеченным было гораздо проще. Алекс намеревался во что бы то ни стало попасть внутрь квартиры. Выломать мощную дверь не представлялось возможным без лишнего шума и ненужного внимания, но оставались окна.

По водосточному желобу бессмертный легко поднялся на крышу здания. Обитая жестью, она была гулкой и скользкой. Зато уличная подсветка сюда не доставала, и здесь, наверху, царил густая зимняя ночь. Александр осторожно пошел вдоль края, прикидывая, где расположены нужные ему окна. Наконец он остановился над одним из них. Парня от заветной цели отделял четвертый этаж.

«Только бы там сейчас никто не смотрел на улицу».

Выдохнув и собравшись с духом, вампир спрыгнул вниз. Пролетев мимо четвертого, он уцепился за лепнину над окном нужного, третьего, этажа и всей тяжестью своего тела вышиб окно. Новенький деревянный стеклопакет грохнул об пол гостиной, вырванный вместе с крепежом. Парень же, подобно коту, приземлился на ноги, не получив ни единой царапины.

– Герман! Ты здесь?

Голос отразился от голых стен и остался без ответа.

– Слушай, хватит уже! Влад оторвет мне голову, и ты это знаешь! Жизнь не заканчивается, слышишь? Эй!

Он прислушался. И снова ответа не последовало. Только гул машин доносился с улицы сквозь выбитое окно. Морозный воздух вливался внутрь и оттенял запахи, жившие здесь. Краска, едва высохшая после ремонта, ароматы пищи и еще один, тонкий, до боли знакомый, железно-соленый. В тот момент Алексу отчего-то стало не по себе. Аномальная жуть накатила на него и взяла холодной рукой за горло, заставив испытать легкий приступ тошноты. С ужасом парень понял, что это было не что иное, как предчувствие. Обещание большой беды.

– ГЕРМАН!!! – заорал он не своим голосом и бросился, словно гончая по следу.

Гостиная, спальня с картиной, огромным портретом этой чертовой Кристины на стене, дальше ванная комната. Дверь в нее почему-то заперта изнутри. Удар плечом, еще удар.

– Герман!

Где-то в глубине души Алекс уже знал, что брат ему не ответит. С третьего удара он вышиб дверь и влетел внутрь, чуть не поскользнувшись на разлитой по полу воде и не упав. И тут его точно оглушили. Следующие секунды были похожи на сон или какую-то другую злую шутку сознания.

Глазам Алекса предстала ванна, до краев полная воды, густой и темной от крови. Острые, торчащие из нее колени в мокрых джинсах и голова, опрокинутая на бортик. Прядь каштановых волос, влажная, прилипшая к необыкновенно, мертво-заострившейся скуле.

– Господи, Герман! – выдохнул он и бросился к ванне.

Он вытащил брата из воды и, заливая красным пол, отнес его на кровать. По пути с безвольно висевших рук брата капала кровь, пятная задетые стены, косяки, злополучную картину. Покрывало на постели по контуру положенного на него тела стало влажным, с одежды и волос Германа на него стекала темная вода. Лежавший был бледен, словно труп, и не подавал признаков жизни. Алекс похлопал его по щекам. Сначала слегка, затем, поддавшись сиюминутной панике, сильно и хлестко.

– Очнись! Герман, очнись же! Приди в себя, ну! Господи, да что же это... Что ты сделал?! – от страха и чувства собственного бессилия парень всхлипнул и заскулил, как пес, подле которого умирает хозяин.

Однако он быстро взял себя в руки и стал лихорадочно соображать. Еще секунда на раздумья, и Алекс опрометью бросился на кухню, к холодильнику. Дверца распахнулась, прямоугольник света озарил полумрак кухни подобно входу в райские кущи. Где-то здесь, по предположению Алекса, должно было находиться их спасение. Он срывал с полок все без разбора, но искомого не находил.

– Не может такого быть! Где-то же должен остаться хоть один пакет...

Алекс обежал взглядом кухню и в неверном свете фонаря, проникавшем с улицы, различил темные капли на полу у раковины. Он подошел ближе. Дно кухонной мойки было черным от вылитой в нее крови. Внизу, за дверцей, в мусорном ведре валялись несколько скомканных пустых пакетов из-под красной жидкости. Теперь только по складкам плотного пластика пролегли темные прожилки с остатками заветной влаги. Схватив один из пакетов, в котором осталось крови чуть больше, Александр поспешил назад в спальню. Он без труда разжал челюсти брата и выдавил ему в рот несколько живительных капель. Меньше глотка.

Свежие продольные раны на венах все еще продолжали сочиться кровью. Они не затягивались, как это бывало обычно.

– Что за черт?! Так просто не бывает! Только не с тобой, не с таким, как ты.

Он припал ухом к груди Германа и замер. У самого Алекса сердце колотилось, как сумасшедшее, гоня кровь по венам с такой силой, что в ушах стоял шум, как на сильном ветру. Однако ему удалось различить в грудной клетке старшего брата едва уловимый стук. Сердце Германа билось, пусть и слабо, но он все еще был жив. На пару мгновений Алекс замер, раздумывая.

«Другого способа нет, – эта мысль вспыхнула в сознании Алекса подобно ракетнице, осветившей черное небо. – Но это шанс».

Он задернул рукав и с силой впился в собственное запястье. Вспышка боли, и теплые струйки побежали по подбородку. Александр поднес кровоточащую руку к губам брата.

– Пей. Давай же, Герман! Пожалуйста!

«Ты не можешь вот так уйти!»

Кровь наполняла рот умирающего, но не протекала внутрь. Герман не глотал ее, будучи совершенно обессиленным.

– Ну же! – Александр чуть приподнял его голову. – Сделай это! Я знаю, ты слышишь меня, чертов сукин сын! Давай же! Пожалуйста... Боже... пожалуйста.

Немой плач разрывал легкие Алекса, по щекам покатались слезы. Парень быстро сморкнул их и тряхнул головой. Он следил за шеей брата, как загипнотизированный. Она оставалась неподвижна, словно вытесанная из белого мрамора. Как вдруг адамово яблоко под мертвенно-бледной кожей дрогнуло и сделало характерное движение. Глоток. Затем еще и еще один.

«Пожалуйста, пей! Много я не смогу тебе дать, но ведь моя кровь это не кровь смертных. Нам двоим должно хватить ее, чтобы доехать до больницы. Я надеюсь... Ты только помоги мне, пей...»

На какое-то время Алекс затих. Он молча отдавал брату свою кровь, борясь с подступающей дурнотой и головокружением. Шли секунды, Герман делал маленькие глотки один за другим, не приходя в себя. Его раны на обеих руках не затягивались, но и не кровоточили больше. Тело бессмертного заперло их, хоть и не зарастило.

Наконец, веки Германа слегка задрожали. Он на мгновение смог открыть глаза. Невидящий взгляд обежал комнату, остановился на Александре, после чего сделался белым. Глаза Германа закатились, и он снова отключился.

Дальше медлить было нельзя. Алекс осознал это и отнял руку. Небольшая ранка на запястье сразу же начала затягиваться. Затем он взвалил Германа на себя за одно плечо и, шатаясь, потащил к выходу. Перед глазами плыли неоновые круги, колени подламывались, но Алекс упорно нес брата вперед. На лестницу, затем вниз к машине. Он положил его на заднее сиденье своей черной Ауди и зачем-то укрыл курткой. Машина завелась и с ревом сдала назад, после чего рванула прямо по улице под крики прохожих и сигналы других машин.

С трудом достав из узких джинсов мобильный, Александр нашел нужный номер. Несколько гудков тянулись бесконечно долго, наконец, ему ответили. Зрелый мужской голос с легкой хрипотцой произнес:

– С наступившим Новым годом! Саша, рад слышать! Чем обязан?

– Михал Сергеич, вы у себя? – только и спросил парень.

– Нет, дорогой мой! Ты представляешь, я в клинике! Пришлось выйти, ничего не могут без меня, сукины дети! Хотя я просил, я предупреждал... А ты, собственно, почему интересуешься? Случилось что?

– Случилось. Я еду прямо к вам.

На том конце последовала пауза, затем голос собеседника утратил прежнюю жизнерадостность и спросил:

– Кто?

– Герман.

– Бог ты мой! Просто не может быть! – затем тихо, зажав рукой микрофон, чтобы никто не слышал. – Но как?

– Сам, – скорбно ответил Александр и вывернул руль на светофоре так круто, что автомобиль чуть снесло на повороте, раздался пронзительный визг.

Кто-то закричал, чья-то машина сигналила вслед, но Алекс не слышал всего этого и уверенно давил на газ.

– Так, Саша, я слышу, ты уже едешь, да? Я сейчас подготовлю все, отдельную палату, все, как надо!

– А персонал?

– Это элитная частная клиника, Саша. Моя клиника. Здесь люди не болтливые, если ты понимаешь. Так что не волнуйся ни о чем и торопись. Я жду тебя.

Было похоже, что человек на том конце собрался положить трубку.

– Михал Сергеич, подождите! – остановил его младший Мареш. – Нужна кровь. Много.

– Сделаем, – с готовностью отозвались в трубке. – Все, встречаю, едь.

Раздались гудки, Алекс отбросил телефон на соседнее, пассажирское сиденье и крепко взялся за руль обеими руками. В тот вечер его сняла, наверное, каждая камера в городе. Это была самая дорогая поездка в его жизни, думал Алекс много позже, получая штрафы за превышение скорости.

На территорию клиники черная Ауди влетела, чуть не выломав шлагбаум. Охранник едва успел нажать на нужную кнопку и открыть его буквально перед самым капотом. Машина стремительно пронеслась по подъездной дорожке и замерла у входа.

От дверей уже мчались двое с каталкой, чтобы транспортировать прибывшего пациента. Следом за ними легкой рысью бежал полноватый мужчина лет сорока-сорока пяти с небольшой лысиной и темной, аккуратной подстриженной бородой.

Все вместе они достали с заднего сиденья молодого парня, белого, словно полотно, в насквозь мокрых джинсах и пуловере с закатанными рукавами. Его руки до локтя украшали глубокие надрезы с неровным краем, имевшие темный, сине-бордовый цвет из-за свернувшейся в них крови.

Когда Германа торопясь везли внутрь, главврач чуть отстал и шепнул Алексу почти в самое ухо:

- А ОН знает о том, что произошло?
- Еще нет. И вы не звоните. Я сам ему обо всем сообщу.

Глава 3

– Не понимаю, – устало говорил Алекс спустя несколько часов, сидя в коридоре неподалеку от операционной, – почему раны не затянулись? Регенерация в его случае должна была произойти очень быстро.

– Я сам не понял в начале, – усмехнулся врач, – а потом присмотрелся... Этот хитрец что сделал?! Он края прижег! Ты не находил там лезвия или ножа такого, знаешь, закопченного?

– Да как-то не до того было, – признался парень в ответ.

Глаза Михаила Сергеевича блеснули.

– А ты посмотри потом, Саш, ладно? Очень мне интересно все же. Ты пойми, это ведь непросто, – мужчина понизил голос. – Бессмертному покончить с собой – это весьма непросто, понимаешь меня?

Алекс понимающе кивнул. В сидевшем рядом с ним главном враче этой престижной клиники тоже текла кровь бессмертного. Слабая, не жившая века и тысячелетия, но все же родственная.

За окнами уже стояла глубокая ночь. Они не успели уехать в срок. Влад звонил. Алекс выложил ему все, как есть.

– Оставайся с ним, пока это будет необходимо. Потом чтобы сразу явился ко мне. Нам есть, что обсудить.

Голос в трубке звучал бесстрастно, почти буднично, однако Алекса это не успокаивало. Едва на том конце раздались гудки, он убрал телефон и принялся ходить взад и вперед по коридору. Медсестра, смотрящая за порядком в отделении, недовольно поджимала губы, но молчала, следя глазами за беспокойным посетителем.

Как только Германа перевезли из операционной в палату реанимации, его брат сразу же отправился следом. Сел на стул рядом с постелью и так и просидел до утра почти без движения, то засыпая ненадолго, то снова бодрствуя. Когда же Герман открыл глаза, Алекс сначала не нашелся, что сказать. Брат же покосился на него и слабым голосом произнес всего одно слово:

– Ты...?

– А ты рассчитывал увидеть кого-то другого? Может, апостола Петра?

– Самоубийцы не попадают в рай, дружище, – сказав это, Герман улыбнулся одними уголками губ, затем скосил глаза на свои перебинтованные руки, не в силах поднять головы.

Повязки закрывали их от локтей и до самых запястий, сквозь множество слоев проступали бурые пятна.

– Странно, – хрипло проговорил неудавшийся самоубийца, – они не должны было зарости.

– Они и не заросли, – с ноткой досады в голосе ответил младший брат. – Пришлось срезать то, что ты прижег, чтобы регенерация могла произойти. Наш добрый доктор три часа возился в операционной один.

– Ювелирная работа, – Герман усмехнулся, будто ничуть не огорченный тем, что его намерение уйти из жизни осталось неосуществленным.

– К тому же, – прибавил Алекс, – в тебя влили столько донорской крови, сколько я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то употреблял.

Парень на кровати на пару секунд затих, словно прислушиваясь к себе, затем произнес:

– И все же, этого мало...

По голосу было слышно, что Герман чувствует себя хуже некуда.

– Подожди, сейчас я найду еще.

Ставить себе новую капельницу больной не позволил. Вместо этого он по обыкновению просто прокусил мешок и залпом осушил его. Тяжело выдохнув, Герман откинул в сторону опустевший пакет, и бессильно повалился на подушки. Приборы вокруг него тихонечко попискивали, и это раздражало.

– Скажи Михаилу, пусть уберут всю эту херню. Этот писк и трубки сводят меня с ума.

– Нельзя, – подумав, Алекс прибавил: – Пока нельзя. Ты поспи немного. Тебе нужно побыстрее прийти в себя.

Старший брат не спорил. Он просто молча прикрыл глаза. Алекс вышел, чтобы не мешать ему. Он так и не решился сказать, что пока Герман был без сознания, ему звонила Кристина.

«Ты сделала, что могла».

Во время этого недолгого телефонного разговора Алекс сжимал свободную руку в кулак так, что коротко стриженные ногти оставили потом на ладони кровавые полумесяцы. Поэтому когда знакомая рыжая шевелюра замаячила в коридоре в паре десятков метров от него, сдержаться было невозможно.

Она действительно походила на солнце и так же, как и дневное светило, обожгла Алекса своей яростью и желанием все исправить. Он отпустил девушку, отступил и пошел прочь. У него еще были дела и поважнее. Где-то в петербургской резиденции своего младшего сына ожидал для серьезного разговора Владислав Мареш.

– Входи, – послышался спокойный голос, и вращающееся кресло с высокой спинкой развернулось так, что Алекс смог увидеть говорившего.

По обыкновению слегка склонив голову и глядя в пол, младший из Марешей зашел в кабинет. Ноги в дорогих ботинках тихо ступали по густому ворсу ковра. Несмотря на то, что за окнами уже наступил новый день, здесь, в этой богато обставленной комнате все еще царил сумрак ушедшей ночи. Тяжелые шторы были плотно задернуты, не позволяя тусклому зимнему свету пробиться внутрь. Только пламя камина, горевшего поодаль, отбрасывало блики на дубовый паркет.

По другую сторону стола, за которым восседал Влад Мареш, не было ни кресла, ни стула для визитера, и поэтому Алекс так и остался стоять на мягком ковре, почтено склонив голову.

– Ты звал меня, отец.

– Верно, – спокойно ответил человек в кресле.

Им был мужчина средних лет, статный и высокий, с черными густыми волосами, завязанными в недлинный хвост. Пара выбившихся прядей и бакенбарды придавали ему вид небрежный и слегка романтический. Темные глаза пристально смотрели на вошедшего из-под властных прямых бровей.

– Как Герман?

– В порядке, – с легкой долей облегчения ответил Алекс.

Он был рад, что Владислав спросил его именно о самочувствии старшего брата, а не о том, почему случилась эта трагедия. Алекс все мог объяснить, заранее продумал ответы и все же чувствовал свою вину. Она давила его, словно пресс, и не было надобности совестить его жестокими словами сверх того. Парень продолжил:

– Наш врач хорошо потрудились. Раны Германа закрылись и сейчас, возможно, уже почти исчезли. Он слаб, но Михаил позаботится, чтобы он быстро восстановил силы. В клинике есть все необходимое. Герман сейчас в безопасности.

– М-да, – протянул в ответ Владислав, – подумать только, я чуть не лишился сына.

– Мне жаль, – тихо произнес Алекс.

– Жаль?

Губы Владислава дрогнули в легкой кривой усмешке. От этого на его лице обозначилось несколько морщин, по которым только и можно было понять, что их хозяин уже не молод. Впрочем, они лишь добавляли его облику сурового обаяния.

– Да, мне жаль, – отозвался Алекс и затем добавил упавшим голосом: – Ведь это моя вина.

– Твоя вина, говоришь? – улыбка мужчины в кресле стала еще шире и умиленней.

– Да, моя. Это я виноват, что все так вышло.

Александр продолжал смотреть в пол, все так же не поднимая глаз. Как вдруг его собеседник рассмеялся. Легкий смех, полный энергии, поднялся под своды высоких потолков мрачного зала. Когда же его звук смолк в вышине, мужчина поднялся из своего кресла и двинулся к камину, произнеся:

– Я уж думал, что не услышу от тебя этих слов.

Огонь почти догорал, облизывая угли. Чтобы поддержать пламя, Владислав подбросил в него еще поленьев. После чего взял из каминного набора пику и пошевелил ею содержимое очага, чтобы лучше горело. Пламя быстро взялось за сухие дрова и вскоре вспыхнуло с новой силой.

– Итак, расскажи мне подробнее о том, почему великий род чуть не потерял своего будущего главу, своего наследника и чуть не пресекся?

– Я... Я... – сбивчиво начал Александр, – уже сказал, что дело было во мне. Отчасти.

Слушавший его мужчина в жесте удивления вскинул брови:

– Отчасти? А что же было другой частью?

– Девушка, мой господин. Кристина. Вы, наверное, уже знаете о ней.

Отец молчал, не говоря ни да, ни нет. Александр набрался смелости и продолжил:

– Перед отъездом Герман сказал мне, что не хочет расставаться с ней и собирается взять ее с нами. Я говорил ему, что это плохая идея, но он все равно меня не послушал и поехал к ней. В итоге все вышло, как я и предупреждал. Она не согласилась отправиться с ним, они поссорились. Герман был очень зол и, как это иногда бывает, он впал в ярость. Он не слушал меня.

– То есть ты хочешь сказать, что виной всему какая-то смертная девушка? – спокойно переспросил Владислав.

– Да, но Герман утверждает, что она не какая-то, а та самая. Я, правда, в этом не уверен и не знаю до конца, что это значит.

– Тебе и не нужно знать, – огрызнулся Мареш-старший, – но вот что ты должен был усвоить, так это то, что нехорошо сваливать свою вину на других.

– Но...

– Особенно на женщин!

Глава рода посмотрел на картину, висящую над каминной полкой. Это была фотография большого размера, с которой улыбалась красивая молодая женщина. Под ней стоял металлический сосуд затейливой формы с крышкой. Влад, не выпуская все это время кованную каминную пику из рук, провел ей по краю деревянной панели. Алекс хотел что-то возразить и даже поднял взгляд от ковра, который к тому моменту уже успел изучить досконально. Однако по виду отца понял, что лучше будет промолчать, и вновь опустил глаза. Влад же продолжил говорить:

– Что там с этой девчонкой, я разобраться еще успею. Интересно другое. Почему ты допустил, чтобы ее влияние на разум моего сына было так велико? Почему не предупредил эту ситуацию в корне, заранее? И! Почему в минуту опасности ты оставил Германа одного?!

Голос Влада повысился почти до крика. Александр посмотрел на отца с мольбой и покорностью.

– Я был рядом! Мы поссорились, и я отлучился, но ненадолго! Я же не знал, что ему подобное придет в голову! Но я вернулся, я был рядом, я спас его!!!

– Хочешь сказать, что ты уже исправил собственную ошибку?

– Да. Пусть так, – выдохнул Александр. – Если я ее и совершил, то я же ее и исправил.

– Выходит, что мне не в чем тебя упрекнуть?

Влад испытующе смотрел в глаза Алекса, но намерения его были закрыты и неясны молодому вампиру. Парень смешался:

– Я... Отец, я... Прошу, прости меня!

Голос Владислава был тих и холоден.

– Я тебе не отец, мальчик. И ты всегда знал это.

Мужчина двинулся на Александра, поудобнее уложив в ладони рукоять железной пики.

Зрачки парня дрогнули, расширились, глаза распахнулись, голос задрожал:

– Не надо, прошу! Господин!

Владислав остался глух к его просьбе. Последний шаг до своей жертвы он преодолел одним ловким рывком и со всего размаха нанес удар в плечо приемному сыну. Алекс от силы удара отшатнулся в сторону. Он согнулся в приступе боли и ладонью накрыл место удара. Одежда на плече оказалась разорвала изогнутым острием пики, кровь выступила сквозь зажавшие рану тонкие пальцы.

– Я прошу! Умоляю, не надо! Я виноват...

– Чтобы запомнил, – негромко произнес Владислав и снова замахнулся.

Удары каминной пики сыпались теперь на Алекса один за другим. Поначалу он закрывался от них руками, но вскоре почувствовал, что кости в них сломаны. Затем Влад и вовсе сбил его с ног и продолжил свой жестокий урок с приемным сыном, скорчившимся на ковре и по-прежнему молящем о пощаде.

– Я прошу, господин! Не надо! Отец!!! Не надо!!!

Но Владислав был безжалостен и будто бы не слышал просьб о пощаде. Он добился, чтобы на теле провинившегося не осталось ни единого живого места. Теперь, спустя всего несколько тягостных минут, Александр весь был в крови. От боли, охватившей каждую без исключения часть его тела, он теперь мог только тихо скулить. По щекам на ковер катились кровавые слезы. Израненные плечи сотрясал плач.

– Чтобы помнил, – переводя дыхание, повторил Мареш-старший, после чего отбросил прочь каминную пику.

Железная палка с глухим стуком покатила по полу, оставляя на паркете кровавые следы. Владислав опустил в свое кресло и нажал на кнопку коммуникатора, вызвав к себе секретаря. Меньше, чем через минуту, в лакированную деревянную дверь кабинета постучали.

– Входи!

Молодой мужчина вошел в помещение.

– Убрать его отсюда. К нашему отъезду все готово?

– Да, Владислав Владиславович.

– Хорошо. Тогда выезжаем. Через больницу и прямо в аэропорт.

– А... – мужчина замялся, – Алекс ведь едет с нами?

– Конечно, он едет. Оберни чем-нибудь, чтобы не запачкал сиденья. Крови не давать! Пусть восстанавливается своими силами, дольше и мучительнее. Все, унесите его отсюда, чтобы я его больше не видел!

Вошли еще двое и, подхватив парня за плечи, выволокли полуживое кровоточивое тело прочь из кабинета, словно мешок. Александру Марешу-Смиту предстояла долгая и мучительная дорога.

Глава 4

На высоте нескольких тысяч метров от земли Алекс открыл глаза от того, что почувствовал на себе чей-то взгляд. Интуиция не врала: в паре шагов от пассажира стояла все та же улыбающаяся стюардесса.

– Что, уже подлетаем?

Молодой мужчина сладко потянулся. Воспоминания о том далеком зимнем дне усыпили его, и он задремал, проспав на протяжении всей дальней дороги.

«Проклятая слабость! Нужно будет привести себя в форму сразу же, как только приземлимся».

Стюардесса будто бы поняла, что ее единственный клиент в чем-то остро нуждается, и спросила:

– Вам что-нибудь принести? Еда, напитки?

– Нет, благодарю, – ответил Алекс, равнодушно глядя в иллюминатор.

– Может быть, желаете чего-нибудь покрепче? – не унималась девушка, демонстрируя выдрессированное участие высококлассного клерка.

Александр улыбнулся и все же удостоил ее взглядом, сказав:

– К сожалению, того, что нужно, вы не сможете мне дать.

Она ушла, слегка виляя бедрами, затянутыми в узкую бежевую юбку до колен. Вскоре по громкой связи объявили посадку. Александр заглянул в свою сумку, проверяя, на месте ли его самый драгоценный багаж. Конверт с бумагами от Германа по-прежнему лежал вместе с другими документами, необходимыми Марешу-младшему, чтобы закончить все неотложные дела в России. Бессмертный провел пальцами по его грубому краю, затем закрыл сумку и пристегнул ремень. Лайнер начал снижение.

Сквозь увитую плетистой розой перголу пятнами пробивался яркий полуденный свет. Кристина не пряталась и не отдергивала рук. Чуть раскачиваясь на уютных садовых качелях, она закрывала глаза и чувствовала, как солнце целует ей лицо, просвечивая веки красно-желтым.

Сегодня она впервые вышла из дома, поборов свои страхи. Однако ушла не далеко. Качели на заднем дворе родительского дома оказались пока пределом ее возможностей. Всего полторы недели прошло. Всего или уже? Так мало по календарю и так много по ее собственным ощущениям.

Время, отмеряемое страхами и кошмарными снами, течет по-иному.

Непослушный язык во рту снова нащупал острия клыков. Девушка вновь внимательно посмотрела на свои руки, по которым плясали солнечные зайчики. Ничего.

«Герман ходил под солнцем, не так ли? Мы же не в дешевом фильме ужасов. Он сказал, что я стану одной из них, но пока я не такая, верно? Или все же... Тогда как проверить?»

Девушка подумала пару мгновений, затем вышла из лоскутной тени перголы и, подставив лицо солнцу, прямым взглядом посмотрела на дневную звезду. Глаза заболели почти сразу. Виски слегка сдавило, и на глазах непроизвольно выступили слезы. Кристина оперлась на ажурную решетку, пытаясь проморгаться.

Внезапно чья-то рука легла на плечо:

– Ты что это? Тебе плохо?

Девушка вздрогнула, но затем успокоилась, узнав голос матери.

– Мам, зачем ты так подкрадываешься? Ты как женщина-кошка. Я чуть со страху не умерла.

– Ну, извини, – устало выдохнула женщина. – А чего ты сидишь здесь? Все сидишь и сидишь взаперти с того самого дня, как рассталась с этим своим... как его звали?

– Германом, – глухо отозвалась Кристина. – И вовсе я не сижу взаперти. Я вышла из дома.

– Вышла она, – передразнила мать. – Ты бы сходила хоть, прошлась, прогулялась немного. Или что, этот твой Герман за тобой пришлет кого-нибудь?!

– Мам!

– Двоих с носилками, одного с топором?!

– Ну, мама!!! – девушка повысила голос и сделала страшно-возмущенные глаза.

– А что я такого сказала? – отозвалась женщина и, устав стоять, присела на качели в тени. – Кристин, ну я просто не понимаю... Если такое дело, может, в полицию обратиться?

– Ничего не надо. И полиция здесь не поможет.

Своими последними словами она, похоже, только больше растрожила мать, поэтому добавила.

– Это совершенно другое. И вообще, куда мне здесь выходить? Только если мусор вынести или в магазин...

Спустя полчаса девушка уже шагала по новенькому тротуару небольшого коттеджного поселка с мусорным мешком в одной руке и кошельком в другой. До магазина было недалеко, поэтому она пошла пешком. Солнце нещадно поливало своим ярким светом улицу. Слишком жаркая погода для начала лета будто бы испытывала девушку на прочность, но та упорно шагала вперед, бодро переступая босоножками по горячему асфальту. По пути завернула в небольшой проулок к мусорным бакам и бросила плотный черный мешок в кучу к остальным. Откуда-то из-за горы мусора порскнула наутек пара котов.

В магазине было прохладно и безлюдно в это время дня. С тихим гулом работали кондиционеры и холодильные установки. Девушка достала из кармана джинсовых шорт список покупок, написанный маминим убористым почерком, и принялась разбираться в нем, отрезненно блуждая между стеллажей с продуктами.

– Яйца, – тихо бурчала она себе под нос. – Это где-то здесь... Таааак... Молоко, сыр.

После молочного отдела Кристина пошла за соком. Мамин любимый в большой пачке стоял довольно высоко. Ниже тоже была пачка, но ее край был здорово замят, поэтому юная покупательница встала на цыпочки и потянулась вверх. Заветная коробочка стояла не с самого края, и пальцы напряженной руки только шарили в воздухе.

– Да что ж такое!

Она перевела дух и попробовала снова. Чья-то рука появилась в ее поле зрения и помогла достать пачку.

– Спасибо, – сказала девушка, оборачиваясь к неожиданному спасителю, но, увидев его, отскочила и ударилась спиной о холодильник с минеральной водой.

Мужчина рывком настиг Кристину и зажал ей рот рукой.

– Только тихо, ладно? Давай не будем разыгрывать здесь сцену из дешевого триллера.

Его серые глаза перебежали от одного зрачка бывшей подруги брата к другому, пытаясь угадать, что у нее на уме. Наконец, уловив некий едва заметный импульс покорности, Алекс убрал ладонь от ее губ. Девушка молча смотрела на него, не издавая ни звука.

– Ну, здравствуй, дорогая. Давно не виделись.

Он выглядел непринужденно, будто бы происходила встреча двух старых друзей. Кристина этой легкости не разделяла. Всю ее фигуру точно заморозили, плечи сделались угловатыми, спина будто налилась свинцом. Страх казался физически ощутимым, обернув ее тело густой липкой пеленой. Александр заметил, как крупная дрожь прошла по рукам и ногам его собеседницы, но виду не подал.

– Помочь? – с улыбкой предложил он и потянулся рукой к продуктовой корзинке.

– Нет! – слишком громкое, больше похожее на крик.

– Тихо-тихо! Не надо бояться. Я ведь тебя не съем.

Последнюю фразу он подкрепил широкой улыбкой, оголяющей характерные клыки.

«Ты тоже. Ну, конечно! Иначе и быть не могло».

– Как ты нашел меня? – неверным от напряжения и страха голосом проговорила девушка.

– А ты разве прячешься? Если так, то нужно было выбрать место получше, чем новый дом твоих родителей. К тому же засечь кого-то из своих для меня не представляется проблемой.

– Я не одна из вас.

Ее голос все также дрожал, но Кристина понемногу подавила трясущую ее дрожь и даже слегка расправила плечи. Алекс не мог перестать улыбаться, глядя на эту картину.

– Ну, не одна так не одна. Кто же станет спорить с женщиной?! Да еще с той, кого выбрал наследник рода Дракона. Так как ты поживаешь? Челюсти не болят?

Последние слова он буквально выплюнул ей в лицо. Однако сама причина их встречи волновала Кристину намного больше, чем почтительность обращения.

– Зачем ты здесь? – прямо спросила она.

– По делу.

Кристина немного помолчала, затем решила озвучить самое страшное свое предположение:

– Собираешься убить меня за то, что я сделала?

Мужчина расхохотался в ответ, будто она сказала какую-то несусветную глупость:

– Убить?! Да боже упаси! – отсмеявшись, он продолжил: – Нет. Я хочу предупредить тебя. От имени главы рода и от своего лично я хочу сказать, что ты должна молчать обо всем, что случилось, обо всем, что ты видела и знаешь, а если и не знаешь, то догадываешься. Молчать, поняла меня? Только и всего. Если подумать, это не много.

Кристина ловила каждое слово и неотрывно следила за губами Александра Мареша. Иногда верхняя слегка приподнималась и тогда можно было заметить чуть великоватые белоснежные клыки. Немного большие по размеру, чем просто человеческие.

«Если не знаешь, куда смотреть, легко не заметить».

Каждый раз, видя их кончики, она слегка вздрагивала. Алекс в это время продолжал:

– Независимо от того, на чьей стороне ты останешься или хочешь остаться. Ты должна забыть все произошедшее, как страшный сон, и ни словом никому не обмолвиться об этом. Пока длится *quietam tempore*¹, тайна нашего существования должна оставаться тайной. Ты ведь умеешь хранить секреты?

– А если я не сохранию ваш секрет? – сказав, Кристина тут же пожалела об этом, но все же продолжила: – Если я расскажу кому-нибудь, что видела в туалете бизнес-центра? Про смерть Томского и еще той девушки из клуба.

Лицо Алекса вначале чуть заострилось, но потом снова приняло вид расслабленный и почти безмятежный. Вампир произнес:

– Как много людей умирает каждый день? Болезни, наркотики, автокатастрофы, банальная жестокость себе подобных. Хочешь спрятать дерево – спрячь его в лесу. Ты же не думаешь, что за тысячи лет истории мы не научились скрывать следы своих преступлений? К тому же, даже если и так. Даже если ты встанешь на площади и будешь кричать во все стороны о монстрах-кровососах, скрывающихся в толпе, как ты думаешь, много ли народу тебе поверит и как скоро тебя погрузят в машину скорой помощи, чтобы отвезти в психушку?

– Тогда зачем ты меня запугиваешь, если мне все равно никто не поверит? – Кристина вперила в него пристальный взгляд.

– Стандартный протокол безопасности распространяется на всех, кто узнал что-либо. Слова бывают опасны. Ложь, многократно произнесенная вслух, становится правдой. Старая

¹ время молчания (*лат.*)

сказка может ожить, если слишком часто рассказывать ее детям перед сном. Поэтому существует *quietam tempore*, – он пристально посмотрел на Кристину, и его глаза при этом презрительно сузились. – И если ты не последуешь моему совету и не будешь молчать, то рискуешь встретиться со мной снова. Но поверь, я не буду так ласков, как сейчас.

От взгляда его серых глаз пахнуло опасностью и могильным холодом. Так зверь смотрит на свою жертву перед броском. Кристина спиной вжалась в холодильник с напитками и не решалась произнести больше ни слова. Александр же, видя это, отступил на шаг. Затем еще и еще. Девушка оторвала спину от холодильной установки и глубоко вдохнула.

Он уже собирался уходить, но затем обернулся.

– Чуть не забыл. Есть еще кое-что.

Она снова напряглась и присосла к месту. Молодой мужчина в это время открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда большой конверт из коричневой плотной бумаги. Он протянул его Кристине.

– Вот, возьми. Это велел передать тебе Герман.

Ее рука потянулась вперед медленно, точно в замедленной съемке. Кончики пальцев опасно коснулись конверта. Алекс не выдержал этой картины:

– Да бери же!

Он ткнул свертком ей в грудь.

– Что с этим делать, решай сама. Прощай!

Вампир повернулся и пошел прочь, оставив ее стоять на грани обморока с конвертом, прижатым к груди. Прошла уже пара минут прежде, чем Кристина сделала неуверенный шаг от места, где все произошло. Хлопнула входная дверь, затем еще и еще. В отдел, где она стояла, заглянула девушка в форменной одежде магазина.

– Что-нибудь подсказать?

Застывшая покупательница посмотрела на сотрудницу супермаркета так, будто впервые в жизни видит человека, затем отрицательно помотала головой и на негнущихся ногах пошла к выходу.

– Девушка, а покупки? Корзиночку забыли!

Кристина шагала вперед, не реагируя на оклики. Подойдя к входной двери, она осмотрела площадку перед магазином. Алекса нигде не было видно.

Сделав несколько вдохов и выдохов, девушка вышла на улицу, где по-прежнему светило яркое солнце. Быстрым шагом не оборачиваясь дошла до родительского дома.

– Ну что, все купила? А чего так долго? – послышался с кухни голос матери.

Кристина не ответила, поднялась наверх и заперлась в своей комнате. Конверт она положила на стол. Надпись на коричневой бумаге принадлежала руке Германа :

«От господина Мареша Г. В. госпоже Елагиной К. С. лично в руки»

Однако госпожа Елагина не торопилась открывать пакет. Вместо этого она повалилась на кровать и свернулась калачиком, стараясь унять дрожь, казалось, поселившуюся в каждом уголке ее тела. Сердце гулко стучало в груди.

Матрас скрипнул под маленькими лапками запрыгнувшей на кровать лысой кошки. Брида подошла к своей хозяйке и стала щекотно обнюхивать ее нос и брови. Кристина прижала кошку к себе, и та громко замурчала. Под этот приятный и успокаивающий звук девушка сама не заметила, как погрузилась в сон.

Глава 5

Кристина проснулась, только когда наступил вечер. Она не сразу припомнила все, что с ней произошло днем, но, проморгавшись и сообразив, встала с кровати и открыла конверт. Внутри него оказались бумаги, в которых значилось, что квартира, где они жили с Германом, теперь принадлежит ей. Ни записки, объяснявшей это решение, ни чего-либо еще помимо документов там не оказалось. Она постояла немного в растерянности, тупо глядя в бумаги, решительно не готовая думать насчет свалившейся на нее элитной недвижимости. Затем просто убрала конверт на дно старого чемодана, под кровать, и направилась вниз.

Родители и брат как раз сели ужинать. Кристина тоже взяла себе тарелку и присоединилась к ним.

– Дочь, а что случилось сегодня днем? Пошла в магазин, вернулась ни с чем, глаза по пять копеек... Конечно, продукты папа купил по дороге, но нам просто интересно.

– Голова закружилась, – девушка не поднимала глаз от своей тарелки. – Давление, наверное.

– Ну ты даешь! Такая молодая, а уже давление скачет. Ты бы тогда, как поешь, таблетку выпила. Или тебе лучше?

– Лучше.

Таблетки Кристина пить все же начала, правда, не от давления, а успокоительные, чтобы привести в порядок нервы. Страшные сны возвращались снова и снова, а от лекарства только появлялась рассеянность и спутанность сознания. Она перестала ходить на работу. Сначала оттуда звонили, но вскоре звонки прекратились, только на карту пришел окончательный расчет.

В университете ее тоже потеряли, пытались связаться по мобильному. После нескольких вялых объяснений пропавшей студентки о том, что причина неявки кроется в болезни, куратор позвонила лично матери своей подопечной. Та прикрыла дверь спальни и долго о чем-то беседовала с педагогом приглушенным голосом. С этого момента звонки из университета больше не поступали.

С подругами Кристина прервала все контакты, не выходила в сеть, не брала трубку. Написала всего одну фразу: «Мне надо уехать ненадолго», а затем удалила отовсюду приложения социальных сетей и мессенджеры. Успокоительные не позволяли ей чувствовать вину, угрызения совести или даже беспокойство, но рассудком девушка отдавала себе отчет, что поступает правильно.

Она подолгу сидела в своей комнате наверху, пребывая в пограничном состоянии между сном и вялыми раздумьями. Вечерами слышала, как родители негромко обсуждают то, что с ней происходит, ссорятся. Однажды до Кристины донесся плач матери из родительской спальни, но когда девушка подошла к двери и постучала, внутри все стихло.

Так прошел месяц с момента, как белая иномарка дочери среди ночи подъехала к дому Елагиных. И однажды утром, после очередной ночи, наполненной страшными снами и мрачными мыслями, Кристина достала из-под кровати спрятанный там конверт, оделась для выхода и спустилась вниз к своей машине. Круз так и стоял все это время, брошенный, на площадке у дома. На машину успела осесть уличная пыль, придавая ей особенно сиротливый вид.

Девушка щелкнула кнопкой на брелке, отключая сигнализацию, открыла водительскую дверь, постояла немного, осматривая салон автомобиля. Затем села в кресло и вставила ключ в зажигание. Мотор завелся не сразу после долгого простоя, но все же заработал, звук выровнялся, распространяя слабую мерную вибрацию.

«Уехала смотреть квартиру. Скоро съеду. Жизнь продолжается!» – смска отправилась к матери, а Кристина слегка надавила на газ и отъехала от дома.

Дорога до Питера из пригорода прошла спокойно. Однако, уже двигаясь по центру, стоя на светофорах и глядя сквозь кованые решетки мостов, как текут воды каналов, Кристина начала ощущать смутное беспокойство. Она считала повороты до заветного дома.

Когда его темная громада возникла вдалеке, сердце забилось чаще. Семьдесят метров, пятьдесят, тридцать. Девушка смотрела на здание, как зачарованная, и даже забыла включить поворотник. Подъехав вплотную к подъезду, она увидела уже хорошо знакомое парковочное место, подписанное номером ее автомобиля. Оно пустовало, будто кто-то ждал ее, кто-то знал, что рано или поздно она приедет снова.

Кристина запарковалась на нем, так как все рядом было занято. Она заглушила машину, но не выходила, просто отмеряя вдохи и выдохи, глядя на руль перед собой. Затем дверь, наконец, открылась, и девушка покинула свое последнее укрытие. Она подошла к подъезду и поднялась по ступеням. Выждав мгновение, собралась с духом и нажала на кнопку домофона. Из динамика донесли сначала гудки, затем голос на фоне шипения помех.

– Слушаю?

Голос принадлежал консьержу.

– Это я, Кристина.

«Какая Кристина? Может, надо было сказать фамилию? Или назвать номер квартиры, куда я иду?»

Однако ничего этого не потребовалось, почти сразу последовал звук, означающий, что магнитные запоры на двери открылись. Потянув ручку, она вошла. В холле было все так же светло от огромной хрустальной люстры под потолком, как и тогда, когда она жила здесь вместе с Германом. На каменном мозаичном полу в кадках стояли огромные экзотические цветы. Журчащий фонтан добавлял помпезности и лоска и без того богатому помещению. Седой консьерж поприветствовал вошедшую привычной улыбкой.

– Здравствуйте, Кристина Сергеевна! А я все ждал, когда же вы появитесь. Вот, получите ключи.

Мужчина достал из-под стойки небольшую коробку, в которой что-то звякнуло.

– Здесь все комплекты.

Там лежала и ее связка, помеченная крошечной мягкой игрушкой. Была и еще одна, к которой прикреплялся круглый металлический медальон, походивший то ли на старинную монету, то ли на подвеску. На нем был изображен дракон, и по краю бежали строчкой какие-то неизвестные символы. Эта связка раньше принадлежала Герману.

При виде вещи бывшего любовника Кристина едва заметно вздрогнула и замерла. Однако быстро взяла себя в руки и, приложив усилие, вежливо улыбнулась.

– Большое спасибо.

Она забрала ключи и отправилась через холл к лестнице. Идя по ступеням вверх, старалась не поднимать лица, точно боясь увидеть кого-то, но пролеты были пусты и необитаемы. Только слабые сквозняки жили в просторной парадной, временами издавая еле слышный гул, отдаленно напоминающий горячий шепот двоих любовников. Их силуэты, казалось, собирались из пылинок в солнечном свете. Девушка прибавила ходу, успокаиваясь от звука собственных шагов. Он гнал прочь тягостные воспоминания.

Наконец, впереди показалась дверь заветной квартиры. Щелкнул замок, и Кристина прошла внутрь полутемной прихожей. Из большого зеркала в старинной резной раме на нее посмотрело лицо молодой девушки, выглядящее необыкновенно бледным и испуганным. Она с трудом узнала в нем свое. Кристина сильно переменялась за месяц добровольного заточения. На похудевшие щеки легли тени, глаза приобрели лихорадочный блеск.

«Я стала похожа на городскую сумасшедшую. Еще немного, и выбегу на улицу, чтобы кричать, что настали последние времена, и нам всем конец. Так не должно больше продолжаться».

На всякий случай заперев за собой дверь на задвижку, она твердой походкой пересекла большую двухсветную гостиную и расшторила ближайшее из окон. Свет хлынул в полутемное помещение, точно потоком смывая все ее страхи. То же она проделала со всеми окнами во всех комнатах. Решительные шаги раздавались в покинутых стенах и замерли только у двери в бывшую спальню Германа. Кристина стояла напротив нее, не решаясь дотронуться до ручки. Перед ее мысленным взором открывалось пространство хорошо знакомой комнаты и тело на кровати, скованное сном. Каштановые волосы, привычно раскиданные по подушкам, голая мускулистая грудь.

Девушка пересилила себя и распахнула дверь. Внутри было пусто, как и во всех других помещениях. На привычном месте стояла заправленная постель, только личных вещей не доставало. Книги из стеллажа хозяин квартиры тоже забрал с собой. На полке осталось всего одно издание. Подойдя ближе, Кристина рассмотрела название:

Брэм Стокер

«Дракула»

Среди страниц еще сохранилась ее закладка.

Сейф, когда-то обнаруженный за рядами книг, тоже был на месте. Кристина направилась в его сторону, рассчитывая, что в суматохе там могли остаться какие-то из найденных ей раньше документов. При первом беглом знакомстве она не успела как следует вникнуть в суть, и потом еще не раз возвращалась мыслями к злополучным папкам. В голове настойчиво кружила мысль, что, возможно, при повторном прочтении их содержание показалось бы несколько иным.

«Что, если я просто не так все поняла, если это было что-то другое. Я искала нечто, что Герману стоило бы скрывать. Может быть, я просто увидела то, что хотела увидеть».

Она и сама понимала, что это только слабые попытки себя обмануть, не более. И все же...

Рука потянулась к кодовому замку, чтобы снова отпереть бронированную дверцу, но Кристина почти сразу заметила, что та закрыта не плотно. Тронув рукой, она убедилась – сейф не заперт. Папок там не оказалось. Окруженные металлическим блеском стенок, внутри лежали всего несколько листов и сверху на них синяя роза, живая и свежая.

Помедлив несколько мгновений, девушка взяла цветок в руки. Следы, оставшиеся на месте, где раньше были шипы, еще исходили соком. Цветок совершенно точно был положен сюда кем-то неизвестным недавно.

Кристина бросилась к двери, крепко сжав розу в руке. Она вихрем пролетела вниз по лестнице до самого холла.

– Простите! – от волнения голос звучал слишком громко, так, что отразился от стен и эхом пробежал по парадной. – Простите, вы не знаете, кто это оставил? Я поднялась, а там роза... Свежая. Кто-то заходил в квартиру до меня?

– Да, конечно, – невозмутимо ответил консьерж. – Незадолго до вашего приезда был представитель цветочной компании. Не помню точно название, оно где-то записано у меня... Так вот, с момента отъезда прежнего хозяина каждый день примерно в одно и то же время приходил человек. Он должен был оставлять свежий цветок и забирать увядший. По одной розе каждый день. Герман Владиславович оставил мне распоряжение пускать его, давая ему ключи каждый раз, как он явится вплоть до вашего приезда, – старик улыбнулся немного смущенно. – Такой, знаете, романтический сюрприз...

– Да, – жадный блеск в глазах Кристины потух. – Сюрприз... романтический. Спасибо.

Консьерж что-то ответил ей, но она уже не слушала. Вертя в руках синюю розу, одинокая обитательница квартиры неспеша поднималась наверх, к своему новому дому.

Зайдя внутрь, она вновь заперлась и пошла обратно к сейфу. Оставленные там листы бумаги по-прежнему лежали внутри. Все они были исписаны, и Кристина без труда узнала

размашистый почерк. Это была рука Германа. Девушка присела на кровать, положила розу рядом с собой на покрывало и стала читать:

«Здравствуй, моя радость!

Разреши мне так называть тебя. Это милое прозвище очень удачно отражает суть моего к тебе отношения, и за все годы я не смог подобрать другое.

Рад, что наконец-то ты здесь и читаешь эти строчки. Мне не было известно наверняка, вернешься ли ты когда-нибудь в этот дом, ставший для тебя, предполагаю, весьма пугающим местом. Но я не переставал надеяться и даже оставил для тебя приятный сюрприз. Хочется верить, что роза приилась тебе по вкусу. Это письмо, эта квартира и этот цветок – все, что я могу сделать для тебя. Ты можешь не принять мои знаки внимания, но позволь мне оказать их, чтобы чем-то занять себя перед долгой дорогой.

Я знаю, мы очень нехорошо расстались. Понимаю, что показал себя не с лучшей стороны. Мои просьбы остаться заглушил твой страх. Он часто оказывается сильнее нас. Ты сбежала, но я хочу, чтобы ты знала – я не виню тебя и даже благодарен за твой маленький прощальный подарок. Это был ценный урок о том, к чему может привести ложь или просто недосказанная правда.

Нож, кстати, я оставил себе на память. Надеюсь, ты не возражаешь.

Мне очень жаль, что ты сбежала тогда, ведь теперь тебе придется узнать обо мне больше не из моих слов, а из этого письма, которое попало к тебе в руки, бог знает, через сколько времени. Надеюсь, ты еще не седая старуха, и все так же молода и красива...»

Губы Кристины дрогнули в мимолетной улыбке, а глаза продолжали бежать, глотая строчки:

«Не хочу больше врать. То, что ты видела тогда в туалете бизнес-центра на открытии офиса – это малая часть всего, совершенного мной в этой жизни. Но ты должна знать, что это не мой выбор. Я рожден таким и я умру таким, если, конечно, это когда-нибудь случится. Стоит ли озвучивать страшную очевидную правду? Пожалуй, да. Да, Кристина, я один из тех, кого смертные люди называют вампирами, бессмертными, носферату и еще множеством имен.

Оговорюсь сразу, что Стокер был глубоко неправ, давая название «носферату» (не мертвый) своему зловещему персонажу. Мы вовсе не немертвые, мы живы и живем, как все другие существа, однако метаболизм у нас иной и в некотором роде он управляем и близок к совершенству. Так, например, предчувствуя твой вопрос, скажу сразу, что про возраст я не врал. Мне действительно 26 лет. Как ты могла убедиться, за те 4 года, что мы были в разлуке, я подвергся некоторым возрастным изменениям, то есть повзрослел. Однако стариком мне не быть никогда. Древняя кровь, текущая по моим венам, и специальная диета этого не позволяют.

Так уж случилось, что я, моя радость, родился наследником одного из древнейших кланов нам подобных, который на данный момент возглавляет мой отец, уже знакомый тебе Владислав. Его жизнь, в отличие от моей, намного дольше, но рассказы об этом интереснее слушать от него самого, чем читать мой вольный пересказ.

Об остальных способностях бессмертных, помимо долгой жизни и кровавого меню, можно говорить не один час. Это и способность к регенерации, в которой ты могла убедиться сама на протяжении всех наших отношений. Ты задавала мне вопросы, но я так и не набрался смелости, чтобы рассказать себе правду. Прошу тебя не винить меня. Поверь, это не так-то просто.

Нож, который ты так ловко всадила мне в живот, не мог нанести мне существенного вреда, хотя, если честно, затормозил меня на некоторое время. То же самое произошло бы,

если бы ты выстрелила в меня. Рана затянулась бы. Быстрее, если бы я был сыт, или же медленнее и мучительнее в случае, если бы я был истощен жаждой. Так это работает. Кровь, как некий животительный субстрат, дает подобным мне силы, чтобы жить. И мы вовсе не всегда ради нее убиваем.

Сейчас для человечества настало поистине время жизни. По всему миру доноры сдают кровь, а подпольные сети поставляют ее таким, как я, в том количестве, в котором нужно. Для бессмертных наступила эпоха гуманизма. Охота на живого человека, безусловно, нужна нам, но уже не является первой необходимостью.

Вообще мне становится страшно от того, что ты могла обо мне подумать. Не знаю, я ли так напугал тебя (хотя, признаю, картина убийства – это не самое подходящее зрелище для девушки), моя ли открывшаяся сущность погнала тебя прочь, или все же веками сочинявшиеся про нас сказки, которые плотно вьелись к тебе в подкорку.

Видимо, настало время нам познакомиться по-настоящему.

Я не тот монстр, который спит в гробу и боится солнечного света и распятий. У меня подобных очень чувствительная сетчатка глаза, отчего я в солнечную погоду не снимаю специальные защитные очки. Сплю я, как ты могла заметить, на кровати, а церкви не посещаю исключительно из соображений некоторого современного атеизма и отсутствия у меня такой привычки. Я отражаюсь в зеркале, я ем человеческую пищу, включая чеснок, правда, я не нуждаюсь в ней остро и делаю это исключительно для удовольствия, а не от голода.

Я люблю работать по ночам и спать до обеда, так работают мои биологические часы. Также живут в природе многие хищники. Однако никто их за это ни в чем не обвиняет. Все просто принимают, как данность, условия пищевой цепи. Такая же цепь действует и у нас с вами, и люди в ней отнюдь не высшее звено. И такое положение дел царит, возможно, с начала времен. Просто мы, бессмертные, как превосходящий вид, избрали разумную политику неразглашения и живем в тени, никому не желая причинять излишних беспокойств. Ты на своем примере убедила, что незнание порой означает именно покой.

Теперь ты знаешь все или почти все. Настало время признать, по людским меркам я, действительно, чудовище. Однако не спеши вешать ярлыки, мы вместе разыграли эту партию, и давай теперь поговорим о тебе. Тем более, что эта тема всегда доставляла мне удовольствие.

Тебе было 16, когда мы встретились впервые пять с половиной лет назад. Ты, наверное, думаешь, что была просто нескладной странноватой девочкой, не находящей одобрения у окружающих. Но мне с моим чутьем и навыками сразу стал заметен тут некоторый подвох. И позднее я неспроста повторял тебе, как мантру: Кристина, у нас столько общего, мы так похожи. Это правда. И дело не в том, что я сделал с тобой, что произошло с тобой за то время, пока мы были близки. Ты изначально отличалась от них всех. Древний утраченный ген вновь проявился в тебе, или сбой произошел в системе, но ты не принадлежишь к числу обычных людей и не принадлежала никогда. В этом можешь поверить мне совершенно точно. С годами в тебе крепились бы уникальные способности, которым нельзя найти разумного объяснения. И знаешь, моя радость, я не совру, если скажу, что в средневековье тебя бы просто сожгли на костре за это.

Мне стало понятно с нашего первого дня, что ты та самая, и что мы должны быть вместе. Именно поэтому я так болезненно воспринял твой отказ ехать с нами несколько лет назад. То, что я сделал потом, было глупо и незрело, но тогда в этом мне виделся единственный возможный выход. Конечно, позднее мне стало ясно, что я поступил, как идиот. Но дело в том, что я просто не мог представить себе жизнь без тебя. И это больше, чем любовь. Это то, что люди зовут судьбой, это некий род предназначения. Будто ты привязан к кому-то очень прочной веревкой и, нравится тебе это или нет, ты не можешь освободиться. Мне

жалась, что ты не чувствуешь этого так же остро, но, видимо, это плата за твое человеческое начало. Пусть так. Для меня это ничего не меняет.

Подобным даром наделены далеко не все бессмертные. Только единицы, те, в ком течет самая древняя кровь. Такие, как мой отец, моя мать, как я сам. Их души перерождаются снова и снова, и, чтобы не потерять друг друга, они связаны некой невидимой силой. Я всегда считал, что это всего лишь красивая легенда, сказка. Однако мир для меня, как и для тебя, оказался не так прост.

Я знаю, что мои следующие слова могут вызвать в тебе протест или даже омерзение, но хочу, чтобы они дошли до тебя. Ты нужна мне, Кристина! И это не мой каприз, не простое желание, это не страсть говорит во мне. Просто так должно быть. Я надеюсь, что ты поймешь меня, когда почувствуешь однажды то же самое. Ту же тягу сквозь пространство и время, не поддающуюся нормальному объяснению, не укладывающуюся в привычные рамки смертного понятия «любовь», но превосходящую ее многократно.

И еще кое-что напоследок, моя радость... Прости меня. Не за то, кто я есть. В этом я не виноват и не считаю, что можно извиняться за свою природу. Ты же не просишь прощения за то, что у тебя рыжие волосы? Я хочу извиниться за то, что не нашел нужного момента и нужных слов, чтобы как-то самому во всем тебе признаться. И прежде всего, я не нашел в себе смелости. Ты так была дорога мне, я так боялся, что ты снова от меня отвернешься, что медлил и ждал до последнего и сам стал главным виновником случившегося между нами. Я просто был так по-детски счастлив, что ты живешь в моем доме, и я могу слышать звук твоих шагов сквозь сон по утрам. Мне хотелось подольше удержатъ между нами это время, не омрачая его своей правдой, хотя ты о ней и просила. Теперь я понимаю, что сделал все не так. Мне стоило быть мужественнее, а я поступил, как трус, и теперь наказан за это.

Перед тем, как я поставлю точку в своем письме и отдам консьержу ключи, мне хотелось бы сказать тебе еще одну банальность. Не знаю, каково тебе будет читать это, как ты это воспримешь. Возможно, со страхом или протестом, но я все равно напишу и даже не для тебя. Для себя. Чтобы оставить на бумаге последний груз и спокойно отправиться в аэропорт.

Хочу сказать то, что не успел в ночь, когда ты уходила. Я люблю тебя, моя радость. Монстр я в твоих глазах или нет, но ты должна знать, что я ни минуты не врал тебе об этом. Я любил тебя с первого дня. С первых минут любил девочку, скорчившуюся на снегу в подтеках краски. Любил девчушку, принадлежавшую не мне и затем брошенную и снова свободную, такую злую и осторожную. Я любил тебя всегда и всякой. И буду любить, пока я жив.

Навеки твой, Герман».

Кристина дочитала последний лист и опустила страницы себе на колени. Через секунду на рукописные строчки упала капля горячей соленой воды. Девушка беззвучно плакала в пустой комнате подаренной ей квартиры.

Глава 6

Герману снова снился норвежский лес. В свете последних новостей это было не удивительно.

Во сне он без усталости бежал вниз по каменистому склону, поросшему тонкими, высокими соснами, словно пики впившимися в тяжелое небо, полное дождя. Ноги то и дело оскальзывались, срывая подошвами с валунов мягкий мох. Это было не важно. Он, словно охотничий пес, почуявший дичь, снова несясь вперед, не помня себя. Он жаждал крови.

Молодой бессмертный открыл глаза. За плотными шторами еще только разгорался очередной восход над океаном, неповторимый в своем великолепии. Герману не было дела до него. Пятизвездочный отель в Майами, где он остановился, в эти часы еще спал после ночных рейсов и непристойных походов.

Повернувшись на другой бок, чтобы его покой не тревожили даже слабые солнечные лучи, он снова прикрыл веки и вспомнил последний обрывок сна.

«Когда это было? Кристина уже встречалась с этим своим... как его... Примерно полтора... Да, полтора года назад. А кажется, что вчера».

Тогда автомобиль, взятый напрокат в ближайшем городке, свернул с оживленной дороги в лесную глушь, после чего Герман остановил его. Алекс, сидевший в угрюмом молчании рядом с ним на пассажирском сиденье, достал из сумки позади заранее заготовленную отвертку и молча вышел, чтобы скрутить номера. Спустя минуту дело было сделано, и братья снова тронулись в путь.

Дорога петляла меж сосен, машина кренилась на ухабах, но уверенно ехала вперед. Наконец в темном коридоре из деревьев показался просвет. Небольшой охотничий домик, срубленный из бревна и уже слегка потемневший от времени, стоял посреди глухого леса. Рядом на небольшой стоянке был припаркован черный пикап, означающий, что поблизости есть люди, и путь был проделан не напрасно.

Герман заглушил мотор. Его лицо было совершенно непроницаемо и не выражало ровным счетом никаких мыслей, эмоций или переживаний. Не сумев угадать, о чем думает брат, Алекс прямо спросил:

– Просто зайдём и всё? Вот так вот...?

– Не вижу смысла тянуть и ждать чего-то. Пошли. Сделаем то, зачем приехали.

Мужчины вышли из автомобиля и неслышно двинулись к дому.

– Обойди сзади, – еле слышно, одними губами скомандовал своему компаньону Герман, а сам поднялся по паре ступеней на небольшую террасу.

Алекс повиновался и скрылся из виду. Герман осторожно тронул ручку и, обнаружив, что дверь заперта, одним ударом ноги вышиб ее вместе с петлями. Деревянное дверное полотно рухнуло перед ним на дощатый пол прихожей, застланный простым половиком в сельском стиле. Молодой вампир оглядел открывшееся ему внутреннее пространство дома. Дождевик на крючке у двери, на кухне стол и чайник на выключенной плите, пара простых стульев, в маленькой гостиной – кресло у незажженного очага. Пусто. Через пару мгновений перед ним появился Алекс.

– Здесь никого нет.

– Сам вижу.

Старший из братьев двинулся на улицу с таким видом, будто ничего не произошло. У Александра не было выбора, кроме как последовать за ним. Он ошутимо волновался.

– Может быть, его предупредили о нашем приезде заранее?

– Нет, – отрезал Герман, но Алекс не унимался.

– Кто-то все равно мог что-то прознать. Послушай...

Герман вдруг замер на месте и быстро произнес всего одно слово:

– Тихо!

Его глаза чуть расширились, но взгляд стал невидящим, устремленным в никуда. Он походил на зверя, сидящего в засаде и заслышавшего в глубине леса движение своей будущей жертвы. Вдруг Герман сорвался с места и бросился прямо в чащу, вниз по склону.

– За мной! Он там! – донеслось до слуха Алекса, и он побежал следом.

Ветки били по лицу. Густой лиственный подлесок замедлял бег, заставлял щуриться и прикрывать глаза руками. То и дело из-под ног с глухим стуком выскакивали и катились вниз небольшие камни, поросшие зелено-бурым мхом. В самом конце спуска, в долине, должно было находиться озеро.

Зеркало воды уже замаячило впереди, когда Герман понял, что он не видит и не чувствует больше свою жертву. Молодой мужчина замер, переводя дыхание, обшаривая по-звериному зоркими глазами местность. Все было тихо. На другой стороне озера, не чувствуя опасности, лесной олень наклонился к воде, чтобы напиться.

Как вдруг грянул выстрел. Древесина сосны, о которую рукой опирался вампир, разлетелась в щепки на уровне плеча. Послышались крики встревоженных лесных птиц. Олень отскочил от воды и бросился прочь. Инстинктивно пригнувшись, Герман уловил слабое движение впереди, дальше вдоль берега. Кто-то был у камышей. Держась за деревьями, он бросился туда со всей быстротой, присущей бессмертному. Преследуемый устремился вверх по склону, в ту сторону, где в паре километров пролегла оживленная дорога. Однако уйти от столь сильного преследователя ему было не суждено.

Мужчина, выбиваясь из сил, карабкался вверх в то время, как вампир без устали бежал за ним. Их разделяло не больше сотни метров, когда прогремел второй выстрел. Герман уклонился от него, спрятавшись за древесным стволом. Стрелявший же обнаружил, что патроны в ружье закончились, и быстро начал шарить по карманам, пытаясь найти, чем перезарядить свое оружие. Но едва пальцы сжали спасительный патрон, как что-то с огромной силой швырнуло мужчину в сторону. Удар об сосну сломал ему позвоночник. Человек закричал от боли, но встать, чтобы бежать вновь, уже не мог.

Герман подошел к нему и пинком ноги выбил ружье из дрожащих рук. Затем несколько мгновений посмотрел на корчащегося у его ног мужчину и произнес:

– Знаешь, кто я?

Человек у его ног молчал, все еще страдая от невыносимой боли.

– Знаешь, кто я?! – громче повторил бессмертный.

– Нет! – хрипло ответила жертва.

– И все же я хочу, чтобы ты постарался и сообразил, с кем говоришь, – с этими словами он встал ногой на одну из ладоней поверженного и с силой вдавил ее в каменистую почву. – Итак, повторяю вопрос. Знаешь ли ты, кто я такой?

Тот вскрикнул и разразился проклятиями.

– Ты чертов сукин сын!

Герман прекратил пытку и убрал ботинок в руки жертвы. Затем устало вздохнул:

– Плохо. Очень плохо. Однако это ничего не меняет.

Он присел рядом с изувеченным человеком, взял его за плечо и привлек к себе, глядя прямо в лицо. Средних лет мужчина с легкой небритостью и первыми морщинами испуганно воззрился на него и постарался отползти, но ноги безвольно лежали на мшистой земле без движения. Герман держал его крепко. Клыки у него во рту увеличились и стали заметны жертве. Лицо несчастного побледнело от ужаса, он тихо выдохнул:

– Ты...

Ничего не ответив, резким движением Герман привлек человека к себе. Он запустил клыки ему в шею и прикрыл глаза.

Алекс потерял Германа из виду почти сразу. Скорости и проворству старшего брата можно было только позавидовать. К тому же сумка, прихваченная из машины, цеплялась за все подряд. Продираясь сквозь кусты, он слышал вдалеке шум погони и держал курс на него. Затем все стихло, и внезапно раздался выстрел. Шум раскатился по долине, заполняя ее, словно чашу, до краев. Не будучи уверенным в направлении, Алекс просто бросился вперед и вскоре выбежал к озеру.

Окинув взглядом берег, он увидел, что сильно отстал, и здесь уже никого нет. Зато на другом берегу кто-то едва заметный быстро пробирался вверх по склону, направляясь к горам. Александр, не теряя времени, бросился за ним. Он обогнул озеро по берегу и начал преодолевать крутой подъем. Взобравшись наверх, молодой вампир понял, что взял ложный след. Впереди вдоль вершины холма в сторону гор неспешно шел олень, то скрываясь за деревьями вдалеке, то на мгновение появляясь вновь.

Затем новый выстрел огласил округу. Алекс рывком обернулся. Ему показалось, что стреляли где-то ниже по склону. Как раз между тем местом, где он выбежал к озеру, и его нынешним местоположением. Без промедленья он бросился туда, но скоро понял, что сбился с пути и не знает, куда ему следовать дальше. Долгий бег утомил его и притупил реакцию, из-за чего он в итоге оступился и упал, прокатившись вниз по склону с десятков метров.

Негромко выругавшись и досадуя на самого себя, Александр поднялся на ноги. При падении он разбил колено и ободрал правую ладонь. Бессмертного это мало беспокоило, и все же он обсосал свежую ссадину и сплюнул попавшую в нее грязь в сторону. Затем прислушался. Ничего, только шум ветра в верхушках сосен.

Звать Германа он не решился. Потому просто подобрал оброненную во время падения сумку и пошел вперед, стараясь не шуметь и слушая, в надежде, что какой-нибудь шум выведет его на брата.

Вскоре Алекс различил едва уловимые шаги, которые могли принадлежать только вампиру. Из-за куска скалы, густо поросшего мхом, навстречу ему действительно вышел Герман.

– Ты нашел его?

– Да, – сухо ответил старший брат.

– Он мертв?

– Идем.

Александр повиновался и пошел вслед за Германом. Вскоре впереди он увидел фигуру человека, сидящего на земле, прислонившись спиной к дереву. Сначала Алексу показалось, что он мертв, но затем он увидел, как сидевший повалился на бок и попытался уползти прочь. Герман шел к нему, не ускоряя шага, понимая, что жертве не удастся сбежать.

Когда братья поравнялись с ползущим по мху мужчиной, Алекс заметил у того на шее две небольших ранки, свидетельствующих о том, что Герман укусил его ипил его кровь.

«Почему не убил сам? В конце концов, это больше его месть, чем моя».

То, что мужчина не умер, означало одно – кровотечение остановили. Герман помог ранкам на артерии сомкнуться и не дать жертве истечь кровью. Теперь он указал Алексу на ползущего человека и сказал:

– Давай же, он твой.

– Герман, послушай, – голос Александра дрогнул, выдавая крайнюю степень волнения, но тот постарался взять себя в руки и продолжить спокойнее и увереннее: – Я с самого начала говорил, что, возможно, не смогу, что для меня это будет тяжело... Я не обижусь, если ты сделаешь все сам.

Мужчина, все еще отчаянно пытающийся уползти, посмотрел на Алекса, и их взгляды пересеклись. Молодой бессмертный отвел глаза, не в силах смотреть на того, кого ему надлежало лишить жизни. Герман же холодно и твердо сказал:

– Нет. Мы договорились. Первый был мой, и я это начал. Второго нашел Влад. Третий полагается тебе, а затем снова моя очередь. Я не нарушу порядок.

– Да, да, я знаю... Конечно, но... Пойми, я никогда так не убивал. Это... Не обижайся на меня, умоляю! Я тоже любил ее, был привязан к ней, но это... не моя война. Вернее, она больше твоя, чем моя.

Он поднял на старшего брата полный мольбы взгляд и продолжил:

– Поверь, я сделаю это, если ты хочешь. Я подчинюсь. Но мне кажется, ты получишь больше радости, если сделаешь все сам. Мне же это... – он порывисто выдохнул, не в силах облечь в слова всю величину своего омерзения по отношению к происходящему.

Герман внимательно выслушал его и вдруг улыбнулся.

– О, поверь мне! Тебе понравится.

Затем он взглянул на мужчину, распростертого на земле. Тот выбился из сил и прекратил свои слабые попытки к бегству, теперь просто глядя на своих будущих убийц глазами, полными страха. Однако под взглядом Германа мужчина почему-то потупился, словно молодой наследник рода знал о нем некую постыдную тайну.

– Идем, подойдем ближе, – сказал Герман брату и двинулся по направлению к жертве. – Вам просто стоит познакомиться. Поговорить, получше узнать друг друга. Уверен, подобная беседа вызовет у тебя аппетит.

– Герман, пожалуйста! – взмолился Алекс, зная, на какие безжалостные шутки способен иногда его старший брат.

– Иди, – вдруг прорычал Герман без тени улыбки, – а ты, – обратился он к лежащему на мхе человеку, – расскажи ему то, что я увидел.

– Я... я... – беспомощно залепетал тот.

– Говори!

Герман сверлил его взглядом своих темных глаз, полных голода и злобы, не знающих жалости. Он был похож на волка, приготовившегося к финальному броску. Под этим взглядом лежащий на земле человек сдался и вдруг задрожал от рыданий.

– Хорошо, хорошо! – крикнул он влажным от слез голосом. – Я признаюсь! Это я! Я был там, я сжег тот дом.

Алекс замер на месте при звуке этих слов, словно громом пораженный.

– Пригород Нью-Йорка! Пожар в коттедже! Двенадцать лет назад! – клокочущий от ярости голос Германа эхом отозвался в долине.

– Да...

– Михаэль и Джоанна Мареш-Смит! Ты убил их! Отвечай!

Распростертый у ног Германа мужчина вдруг перестал рыдать и скулить и поднял на своего палача взгляд, полный ненависти.

– Да, это я убил их! Сжег мерзких тварей так, что от них даже горсточка пепла не осталось! Я убил их, слышишь?! Как и твою мамашу! Ты, проклятый выродок Цепеша! И попомни мои слова, всем вам гореть в огне! Всем!

Только одно едва заметное движение, и проклятья смолкли, захлебнувшись, уступив место предсмертным хрипам. Алекс придавил неизвестного ему человека к земле и, разорвав ему горло, по глотку высасывал жизнь. Он прикрыл глаза и весь дрожал, созерцая картины, открывающиеся его внутреннему взору. Наверняка там был и горящий дом, полный дыма, крика и боли. Дом, в котором погибли его родители и должен был погибнуть он сам.

Герман отвернулся и зашагал прочь к тому месту, где они с братом оставили машину.

Спустя пару часов на лес опустилась ночь. Старший из братьев сидел в автомобиле, погруженный в свои мысли. Время от времени он доставал пачку сигарет и, выйдя на воздух, выкуривал одну или две. Дым смешивался с запахами леса, добавляя им терпко-сладких, дурманящих ноток.

В одну из таких вылазок зоркий глаз бессмертного различил на фоне черного неба, как дымит вдалеке большой костер. Это означало, что ждать осталось недолго. Докурив, Герман достал из машины отвертку и прикрутил на место номерные знаки.

«Вряд ли мы кого-нибудь еще здесь встретим. Тем более, ночью».

Закончив с номерами, он вернулся в машину и стал ждать. Выкуренные им сигареты расслабляли и успокаивали нервы. Сознание свершившейся мести порождало в душе чувство мрачного удовлетворения. Закрыв глаза, Герман ненадолго задремал.

Проснулся он, заслышав чье-то приближение. Сквозь ночной лес к машине шел Алекс. Подойдя, он молча открыл дверь и сел рядом с братом. Затем бросил через плечо на заднее сиденье сумку и непрозрачный контейнер, пахнувший гарью. От него самого исходил густой запах костра.

Герман потянулся, разминая затекшее тело, и спросил:

– Ты, надеюсь, все убрал за собой?

– Да, – мрачно ответил младший брат. – Поехали.

Машина завелась и, слабо мерцая фарами, поползла через лес обратно к шоссе.

Спустя несколько дней трое мужчин стояли у камина под большой фотографией улыбающейся темноволосой женщины. Александр вытянул руку и к двум другим установил на каминную полку третью урну с прахом. Тихий голос Германа произнес:

– С днем Рождения, мама...

Глава 7

Свои вещи при переезде Кристина положила в той же комнате, которую занимала, живя с Германом. Здесь все осталось так же, как и было. Ее ноутбук лежал нетронутым на комод, одежда в ящиках и всякие мелочи – на полках. Кажется, бывший возлюбленный не забрал ничего, принадлежавшего ей, кроме перочинного ножа.

Из дома девушка привезла всего одну сумку, да и та была наполовину набита разными съестными припасами.

– Мам, а я точно не на северный полюс еду? Ты мне все свои закатки решила втюхать, – говорила Кристина, но мать была непреклонна и, как назло, расспрашивала о новом жилище.

– А сколько метров в квартире, где ты будешь жить?

– Не знаю точно, но на вид просторная, – уклончиво отвечала она.

– А ремонт хороший? – продолжала допытываться родительница.

– Хороший.

– Мы с отцом заедем как-нибудь посмотреть, как ты живешь. Я его уговариваю ремонт сделать, ведь и деньги есть, и выходные у него позволяют, а он ни в какую. Пусть хоть посмотрит, как нормальное жилье должно выглядеть.

– Вообще-то, там еще не все сделано, – спохватившись, придумала на ходу Кристина.

– А что не доделано?

– Ну, ванная там... И в туалете плитка на пол не положена.

– И ты поедешь в такие условия? А дальше как? Не ты же класть-то будешь эту плитку?!

И как жить?

– Да нет, там все работает, сантехника, все! Просто у хозяев деньги кончились. Они с аренды возьмут и наймут кого-нибудь, чтоб доделать. Мы уже обо всем договорились, мам. Не переживай!

– Не переживай... – хмыкнула женщина. – Скидку-то хоть сделали за неудобство? Не дорого просят?

– Да нет, – отозвалась дочка. – Совсем не дорого. У меня осталось кое-что на карте, как раз хватит и за аренду заплатить, и на еду. Так что обо мне можете не волноваться.

Только ценой вранья и уловок Кристине удалось убедить родителей отпустить ее со спокойной душой.

А здесь, в этой огромной квартире все было так, будто она никуда и не уезжала. Герман забрал, кажется, только свою одежду. Мебель и посуда были на местах. Коллекция старинных книг, естественно, покинула дом, зато остался огромный плазменный телевизор и другая техника.

Брида, кошка девушки, чувствовала себя, как дома. Кристина улыбалась, глядя на нее, радуясь в душе, что у нее есть питомец, потому как одной занимать это огромное пространство было непривычно и жутко. Пустота порождала эхо шагов, голоса и любого звука. Так что девушка незамедлительно включала телевизор и выключала его потом только на ночь.

Первым делом, чтобы войти в колею нормальной жизни, Кристина позвонила в Университет. Долго объясняла декану, что болела, но справку принести не может. Да, она все сдаст. Да, это большой объем, но она уже поправилась и потому справится. Нет, не нужно ничего переносить на осень, она найдет время для подготовки и все сделает. Спасибо большое, что держите за ней ее место на бюджете!

По некоторым предметам у Кристины не хватало материалов, данных на последних занятиях, когда она «болела». Встречи с однокурсниками, чтобы восполнить пробелы, переснять конспекты и что-то спросить, заняли еще пару дней. Сессия подходила к концу, и в универе никого застать было невозможно, так что пришлось помотаться по городу.

Кроме того, каждой однокурснице приходилось рассказывать одну и ту же заранее заготовленную историю, пересказывать свою якобы больничную карту, живописуя в подробностях, как она, бедняжка, болела и чудом выжила. На подобные пустые разговоры уходила куча времени, но зато вся эта возня здорово отвлекала от тяжелых мыслей, страхов и переживаний.

Решая насущные проблемы, Кристине удалось немного «разгрузить» голову. Только вот ее тело внушало все большие опасения.

В полном согласии со словами Германа, организм девушки претерпел некоторые изменения. Клыки во рту чуть увеличились и стали такими острыми, что пару раз она ранила об них губы изнутри. Все тело подтянулось, стало более гибким и пружинистым, так что даже походка переменилась, обретя невиданную раньше плавность и одновременно с тем уверенность. Волосы стали гуще и приобрели какое-то внутреннее сияние, как и ногти, и даже глаза. С глазами у Кристины было связано больше всего тревог. Обычно прозрачно-светлые, серозеленые, теперь они были яркими и мерцающими, как драгоценные камни. Зеркало снова и снова показывало ей прекрасную незнакомку, и это вызывало в душе страх.

Девушка пробовала как-то протестировать саму себя, глядя на солнце. Глаза болели и слезились, но было не ясно, противоестественно ли это, и если да, то насколько. Успокаивало, что ничто из перечисленного не прогрессировало больше.

Как поняла Кристина из слов Алекса, если ничего не предпринимать, все само собой должно было прийти в норму. Однако сроков ей никто не обозначил, и потому девушка страдала от бессилия и невозможности повлиять на что-либо самой.

Конспекты были собраны, сессия подходила к концу, и настал момент в рекордные сроки подготовиться по всем сдаваемым предметам, но она медлила, постоянно прислушиваясь и присматриваясь к себе, выискивая очередные «изъяны». Кристина сама себя ловила на этой подозрительности и ненавидела за нее свой настроженный мозг. По десять раз девушка перечитывала одну и ту же строчку в тетради, не в силах уловить смысл, думая о другом, пока, наконец, не вышла из себя.

– Да что ж такое! – она захлопнула конспект и отшвырнула в сторону, на кровать.

Заслышав голос хозяйки, где-то наверху, в комнатах второго этажа, голос подала Брида. Лысая кошка обладала демоническим низким тембром, своей тягучестью мало похожим на простое кошачье мяуканье. Девушка спохватилась, что, занятая своими переживаниями, она совсем забыла о любимице и пропустила кормежку.

Кошачий корм был на исходе, из пачки высыпались последние крупинки. В холодильнике кроме маминых маринадов и солений есть было нечего. Со вздохом захлопнув дверцу холодильного шкафа, Кристина переоделась, прихватила с собой сумочку и покинула квартиру.

В паре кварталов находился небольшой продуктовый магазин. Набрав всего понемногу, она уже собиралась идти на кассу. Путь к выходу лежал через мясной отдел. Девушка неспешно шла мимо прилавков, толкая перед собой тележку. В прохладных витринах лежали гуляш, печень, сердца и стейки. Алые срезы переливались свежим соком. Внезапно Кристина почувствовала приступ головокружения и тошноты такой силы, что едва не упала, успев вцепиться в тележку. Следующим неприятным чувством, обрушившимся на нее, стала сильная боль в челюстях. Она расплзлась от клыков по всеми черепу, словно корни растения, обвивающие камень.

– М-м-м, – Кристина застонала, прикрыв рукой рот, точно пытаясь прикосновением приглушить боль.

Стоявшая за прилавком продавщица в целлофановом одноразовом фартуке тут же подала голос:

– Девушка, вам плохо?

– М-гм, – кивнула Кристина, затем с трудом разжала челюсти и выдавила из себя: – Зуб заболел. Ничего, пройдет.

– Это все от кондиционеров, – ответила женщина. – Тянет так, что все время у кого-то что-то прихватывает. То зубы, то поясницу. Так ведь а иначе-то нельзя, – она обвела рукой витрину. – Свежее же все. Испортится.

Кристина по-прежнему стояла напротив мясных рядов, приходя в себя. Боль постепенно утихала. Однако восприятие было каким-то странным, не своим. Раньше Кристина терпеть не могла вид и запах свежего мяса, особенно красного, не белого. Теперь же куски свиной вырезки буквально притягивали к себе ее взгляд, полностью завладевая вниманием и пробуждая аппетит.

– Возьмете что-нибудь?

– Ой, да! – спохватилась девушка. – Не знаю даже...

– Вот шея свиная хорошая, только привезли.

Красные куски почти не имели белесых прожилок и поблескивали в свете встроенных в витрину ламп.

«Я же почти не умею готовить. Что я делать буду с этим добром?»

– В духовке ее хорошо запечь или потушить, да все, что угодно. Очень свежая.

– Ладно, давайте, – сдалась Кристина.

– Какой вам кусочек? Выбирайте. Этот?

– Да, – машинально отозвалась девушка, затем передумала. – Хотя нет, давайте вот этот, рядом.

Она указала на соседний, более крупный и влажный. Продавщица послушно упаковала его и взвесила. Кристина, посмотрев на ценник, отметила про себя, что стоит «кусочек», как чугунный мост, но вслух ничего не сказала и отправилась со всеми своими покупками на кассу.

«Что-то не так со мной, это ясно. С другой стороны, никто не говорил, что мне показана вегетарианская диета. Я и раньше ела мясо и вампиром от этого не стала. Позвоню маме, узнаю, что с этим делать, как готовить, и вопрос закрыт».

Так она успокаивала себя, чтобы снова не впасть в парализующую сознание панику. На всякий случай, на выходе заскочила в аптеку и купила упаковку обезболивающего, хотя слабо верилось, что в ее случае оно поможет.

Пакет, казавшийся на вид тяжелым, девушка с легкостью донесла до дома. Открыла дверь подъезда своим ключом и вошла в прохладный холл из жарящей духоты летнего дня. Консьерж, явно скучающий за стойкой, убавил громкость маленького телевизора и поинтересовался:

– Не тяжело, Кристина Сергеевна? Если хотите, я помогу.

– Нет, не нужно, – ответила девушка. – Вам, наверное, и без меня забот хватает.

В ответ седовласый мужчина расплылся в улыбке:

– Какие уж тут заботы? В большинстве квартир пока никто не живет. Только рабочие ходят туда-сюда, ремонтируют. А многие помещения вообще еще не проданы. Считайте, из жильцов у меня пока вы одна и есть.

В это время, вопреки словам консьержа, на лестнице послышались шаги. Кристина повернула голову, и увиденное заставило ее слегка приоткрыть рот от удивления. В холл спулся высокий русоволосый парень. Стильно уложенная прическа, густые прямые брови, чуть небрежная щетина и взгляд серых глаз с поволокой. Подруги говорили, что он немного похож на Джейка Джилленхола. Потом, правда, к нему стали прилагаться другие сравнения и эпитеты, такие как «козел», «мудак» и «скотина». А еще позднее эта тема и вовсе стала запретной в их кругу.

При виде молодого человека Кристина чуть не выронила из рук пакет, от внезапного приступа волнения щеки стали горячими, и сердце гулко застучало в груди. Ладони предательски намокли.

Парень же, заметив ее, просиял и озарил холл поистине голливудской улыбкой.

– Привет! Какими судьбами?

– Здравствуй, Артем, – упавшим голосом ответила она.

Бывший парень, изменивший ей с другой в их общей съемной квартире примерно полгода назад, не внушал особого желания общаться. Молодой человек, напротив, выглядел счастливым, словно щенок, и излучал дружелюбие. Он осмотрел Кристину с ног до головы и, прикинув что-то в уме, спросил:

– Живешь здесь?

– Что-то вроде, – уклончиво ответила она. – А ты что здесь забыл?

Парень указал ладонями на свою фигуру. Кристина заметила деловую рубашку и брюки. Артем выразился коротко:

– Работа.

Девушка сделала шаг вперед, подавая знак, что собирается идти дальше по своим делам, но бывший ухажер этого будто бы не заметил и продолжал:

– Ты же знаешь, риелтор где только не бывает.

– Так ты же, вроде, не занимаешься подобной недвижимостью?

– Элиткой? – он обвел глазами богатый холл, где они говорили. – Нет, не занимаюсь. Босс попросил заехать и проверить. Его клиент где-то оставил мобильный, думал, может, здесь, когда квартиру смотрел. Кстати, спасибо!

С этими словами он подошел к стойке консьержа и положил на стол связку ключей.

– Вот, возвращаю.

Пожилый мужчина убрал их куда-то под стойку, а сам вернул молодому человеку его паспорт, оставленный в залог. Парень вновь широко улыбнулся дежурной улыбкой:

– Благодарю!

Воспользовавшись тем, что Артем отвлекся, Кристина поспешила через холл к лестнице. Но за спиной почти сразу послышалось:

– Эй, постой! погоди минутку.

– Кристина Сергеевна, вам помочь? – поинтересовался консьерж.

– Нет, спасибо, – она обернулась. – Все в порядке. Это мой... старый знакомый.

– Кристина Сергеевна, – сладко протянул Артем и усмехнулся. – Хах! Ты живешь здесь! Но как? В таком доме... Здесь же квартиры стоят (!) ... Мне за жизнь столько не заработать, какие тут ценники! И как ты – здесь?

Все его лицо и фигура излучали дружелюбие, будто бы ничего особенного между ними никогда не происходило. Сложно было понять, в самом ли деле он так рад и открыт ей, или же это годами натренированный рабочий прием хорошего агента по недвижимости, который не приемлет отказов и не слышит оскорблений.

Кристина не хотела посвящать его в подробности и ответила:

– Это долгая история.

– Так я никуда и не тороплюсь. Мой рабочий день окончен.

Он сделал шаг в ее сторону.

– Нет, давай как-нибудь в другой раз.

– Отлично! Значит, договорились. Я напишу тебе, окей?

Вместо ответа девушка шумно выдохнула, развернулась и молча пошла вверх по лестнице. За спиной спустя пару мгновений раздалось знакомое «пока», затем звук шагов и открывшейся входной двери.

Войдя в прихожую, Кристина опустила на пол тяжелый пакет, после чего, поддавшись мгновенному порыву, с силой захлопнула дверь.

– Не выходи из комнаты! Не совершай ошибку! – ее голос, громко декламирующий строку из Бродского, прокатился по квартире.

Словно в насмешку, ему ответил протяжный вопль кошки-сфинкса. Затем послышался топот маленьких ножек. Кристина опустилась на пуфик, и почти сразу ей на колени запрыгнула

с громким урчанием Брида. Хозяйка провела рукой по ее теплой спинке, разгоняя кожаные складочки.

– Сгорел сарай, гори и хата, да? И что мы с тобой будем делать со всем этим?

Глава 8

Ночное небо Майами дышало легкой прохладой, которой так не хватало Герману в последние дни. Он ужасно устал от жары и постоянно палящего солнца, так что теперь позволил себе прокатиться в машине с открытым верхом, наслаждаясь легким морским бризом. За спиной многочисленными огнями сиял никогда не спящий город, купающийся в последнем багрянце закатных красок. Впереди под фары роскошного кабриолета ложилась дорога, ведущая к элитным виллам на побережье. Ветер приятно гладил лицо и перебирал волосы, разбрасывая их по плечам.

Вдалеке показалось большое строение из белого бетона и стекла. Обширная территория, усаженная многочисленными пальмами и другой экзотической растительностью, была безлюдна. Она выглядела бы необитаемой, если бы не подсветка, обозначающая в темноте дорожки и подъезд к зданию. Внутри самого дома свет не горел, однако Герман знал, что его ждут.

Когда машина подъехала к воротам, те медленно отворились, и кабриолет проследовал на территорию. Оставив авто на площадке, Герман направился к вилле напрямик по газону, минуя извилистые тропинки – задумку ландшафтных дизайнеров. Здесь, на лужайке, было темно, и только звезды сияли высоко в небе.

Внутри здания стояла тишина. Дом, казалось, спал. Герман не обманывался подобным беззвучием уже давно. Он прошел в просторную гостиную. Устроившись в объемном светлом кресле с видом на ночной океан, стал ждать.

Ожидание длилось недолго. Спустя минуту его тонкий слух уловил едва слышное движение, затем в тусклом свете, проникающем с улицы, обрисовалась высокая статная фигура хозяина дома. Темные волосы собраны в хвост, черные глаза сияли, как две молчаливых звезды.

Не поворачивая головы в сторону пришедшего, Герман тихо сказал:

– Здравствуй, отец. Ты звал меня?

Вместо ответа мужчина неслышно скользнул вниз по небольшой лестнице, ведущей из столовой, и, пройдя через гостиную, сел в кресло напротив Германа. Теперь его фигуру очерчивало темное ночное небо, отчего лицо Владислава выглядело особенно бледным.

– Красивое место, – произнес Герман, снова нарушив тишину. – Теперь я понимаю, зачем ты приезжаешь сюда снова и снова. Почему выбрал именно его.

– Зато я не понимаю, зачем ты приехал. Зачем отослал Алекса назад в Россию?

– К Алексу у меня нашлось поручение, которое я мог бы доверить только ему.

– Да, но сам-то ты мне зачем здесь сдался?

– Этот год – твой год, ты же помнишь? Ты даришь маме посмертный подарок.

– Эржбета... – протянул Влад, произнося имя на непривычный восточно-европейский манер. – Давай лучше поговорим о живых. Как там поживает твоя невеста?

– Мы немного повздорили, – с аристократической холодностью ответил Герман. – Я думал, ты в курсе.

Было заметно, что за безразличием наследник рода скрывает тревогу и боль от произошедшего. Усмешка мелькнула на лице его отца.

– Конечно же, я в курсе. Алекс обо всем мне доложил. Нож под ребра! Какова, а? – он задумался, словно представляя себе эту картину, затем удовлетворенно щелкнул языком и продолжил: – Это красиво... И что же, вы не помирились с тех пор?

Герман тихо засмеялся и потер тонкими пальцами напряженный лоб вдоль бровей, затем ответил:

– Нет. И по правде сказать, я пока слабо представляю себе, как бы могло выглядеть это примирение.

– Ну, хочешь, я поговорю с ней. Уверен, что мне удастся донести до нее картину во всей полноте, и она поймет меня. Мне кажется, мы прекрасно поладили с твоей Кристиной.

– Тебе кажется. На самом деле она тебя боится. Тебя все боятся.

– Неужели? – мужчина вскинул брови в жесте притворного удивления.

Сын продолжил:

– Ты сам приложил к этому немало усилий. Столько народу полегло.

– Дань времени, – Влад пожал плечами. – Иначе было просто нельзя.

Последовало неловкое молчание, затем один из голосов раздался вновь.

– Это правда, что ты макал хлеб в кровь своих врагов? – Герман сомкнул кончики пальцев обеих ладоней и испытующе посмотрел на отца.

– Я же говорю, время было такое. Ты, кстати, попробуй. Вдруг тебе тоже понравится...

– Об этом я и хочу с тобой поговорить.

Владислав внимательно посмотрел на сына. Герман продолжал.

– Мне удалось узнать кое-что. Они здесь. Убийцы моей матери, твоей жены. Здесь, на этом континенте.

Воцарилась тишина. Владислав обдумывал услышанное, прикидывая что-то в уме, Герман все это время ждал его ответа. Наконец, он последовал:

– Что ты хочешь сделать?

– Мне надоело отлавливать их по одному. Один год, одна жизнь. Так мы до скончания века будем ждать возмездия, пока последний из них и их родни сгинет в огне. Мечь должна свершиться. Они должны заплатить. Все до единого.

За спиной мужчины, в огромном окне, ночные волны накатывали на песок одна за другой. Его бледное лицо исказила хищная ухмылка.

– Признаю, я на нужные плечи хочу переложить правление одной из старейших династий бессмертных. Ты сын своего отца, Герман.

Эти слова, казалось, не достигли ушей собеседника. Лицо молодого мужчины оставалось холодным и бесстрастным, затем он сказал:

– Тогда ответь мне, отец, почему ты не сделал этого сам? Раньше.

– Мальчик мой, – горько улыбнулся в ответ глава рода, – кто же знал, что они помнят свою клятву? Кто мог знать, что им удастся зайти так далеко и убить ее, сильнейшую из женщин в нашей семье?! Кто знал, что эти слизняки, эти жалкие смертные могут что-то сделать нам, причинить вред?!

На мгновение по лицу Германа, словно рябь по воде, пробежала боль, но он быстро взял себя в руки и продолжил уже с полным самообладанием:

– Ты мог знать. Ты должен был догадаться, когда родители Алекса погибли.

– Их смерть тогда ни у кого не вызвала подозрений. Ты сам прекрасно помнишь эту историю.

– Не так прекрасно, как хотелось бы. Я был ребенком.

Последовал тяжелый вздох, затем Владислав продолжил:

– Случайно возникший пожар. Они не мы, Герман, в них не было той силы, что есть в тебе и во мне. Менее древняя кровь, более слабая ветвь фамильного древа. Все выглядело, как несчастный случай. Никто не усомнился тогда.

Наследник не отступал и выдвинул новое обвинение:

– Стоило решить эту проблему еще раньше, искоренить зло в зачатке.

– Ну, знаешь ли! – не удержавшись, фыркнул от такой наглости Влад. – Когда пройдешь Восхождение и станешь главой рода, тогда и будешь говорить, что верно, а что нет.

– Я пройду Восхождение только вместе с Кристиной, – твердо ответил сын. – Не хочу, чтобы она старела, а я замер во времени. Так что пока мое принятие власти откладывается на неопределенный срок.

– И что же ты намерен делать?

– Я хочу покончить с ними, – прямо ответил будущий глава рода. – Со всеми до единого, кого смогу достать. Не хочу вступать в свои права, пока эти твари ходят по земле. И еще не хочу впутывать Кристину во все это. Чтобы не повторить твою ошибку и не подставить ее под удар. Так что, если подумать, все сложилось благоприятно. Нужно только правильно использовать подвернувшуюся возможность.

Собеседник слушал молодого вампира со всем вниманием, доступным ему. Когда же тот закончил, Владислав не удержался от замечания:

– Это все прекрасно, но ты же должен понимать, что пока не прошел через обряд, ты не так силен. Ты растешь, взрослеешь, стареешь, ты дольше залечиваешь раны. Ты слаб и пока не обрел своей реальной силы, не раскрыл ее. И при этом хочешь устроить бойню.

– Поверь, на это мне хватит сил, – недобро усмехнулся Герман, глядя куда-то в глубины своих мыслей.

Самоуверенность его ответа внушала отцу неясные опасения. Он помолчал немного, затем спросил:

– И как ты намерен действовать? Материк большой, и гонять их по нему, как крыс... Ты не смертный, конечно, но поверь мне, быстро устанешь. Известно ли тебе что-то конкретное о том, где искать наших врагов?

– Нет. Но у меня есть одна мысль, – сын немного помолчал, глядя на свои все еще сомкнутые руки, затем продолжил: – Я хочу их спровоцировать. Дать им повод и возможность... Хочу как бы выйти на свет. И когда они соберутся с силами, чтобы сделать это снова, я буду готов.

– Но что это может быть? – допытывался Владислав.

– Пока не знаю. Мне нужно подумать. Уверен, ответ придет сам собой, и что-нибудь подвернется. А пока, – Герман встал со своего места, – дай мне какое-нибудь дело, чтобы было, чем заняться.

Второй мужчина поразмыслил над его словами, затем кивнул и тоже поднялся из кресла.

– Ступай за мной.

Две фигуры растворились во мраке полупустых комнат, не оставив после себя даже эха шагов.

Глава 9

– Настало время выйти из тени.

Кристина сидела в центре гостиной своего нового обиталища на огромном диване. На коленях тихо гудел ноутбук. Порывшись в его памяти, девушке без труда удалось найти те нити, которые раньше связывали ее с внешним миром из любой точки. Ярлычки Вконтакте и других сетей были возвращены на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.